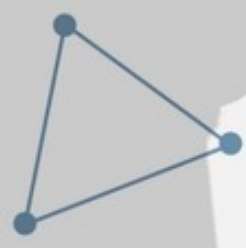

АНТОН ЕРХОВ
ГОРИЗОНТ

ЗДЕСЬ УБИВАЮТ

АНТОН ЕРХОВ

Горизонт

«Издательские решения»

Ерхов А. В.

Горизонт / А. В. Ерхов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502648-4

У каждого из них особые отношения с прошлым: для Полевого оно — ускользающая Астрея, для Колодезного — «чёрные дыры в календаре и памяти», для Межника — опыт. Впрочем, не только у этой троицы: и Аня, и Антон, и загадочный Горизонт — они тоже: в причинах и следствиях. Тем временем в городе происходят убийства — то ли взаправду, то ли нет — и готовится ещё одно, на все сто настоящее. Читайте РОМАН-АМАЛЬГАМУ и отыщите зеркала, в которых без лишних прилагательных отразится ваше собственное вчера. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-502648-4

© Ерхов А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Горизонт

Антон Владимирович Ерхов

© Антон Владимирович Ерхов, 2019

ISBN 978-5-0050-2648-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

*Было бы болото, а черти найдутся.
Русская пословица*

Они подошли ближе, а ведь надо было на самом деле отойти, сделать пару-тройку шагов назад. И тогда всё стало бы другим, показалось бы другим. И это тело, труп – безымянное (ный), бесполое (льй) – хотя, конечно же, не безымянное и не бесполое – женщина лет сорока пяти, грузная, полная – превратилось бы в... Нет-нет, всё бы осталось, но стало меньше. Она сдвинулась бы на задний план, а весомыми, невероятно весомыми – фотографируй, не вопрос – оказались бы те камни за ней, стряхнувшая снег тропинка, по-осеннему унылые травы-соломы, спутавшиеся, как давно немывтые и нечесанные волосы; но всё же не осень – зелёные островки, пусть порой и едва заметные; голубое небо и облака – лёгкие, пушистые – словно уже из лета: приближающегося, наступающего, будущего.

– Ой! – вскрикнула женщина. – Стойте! На площади!

Остановка тем временем уже проскочила за окнами – проехали и забыли – дальше, дальше, дальше: жёлтая ограда, деревья, витрины. И более значимые ориентиры – ступеньки банка, который звался то «Агро», то «Пром», то «Украина», арка во двор, ювелирка.

– Спрашивал же, – проворчал водитель.

Маршрутка встряхнула пассажиров и остановилась. Будто лошадь, которой сказали «прр» и резко натянули вожжи. Женщина ойкнула, встала – килограммов сто двадцать, жуткий яркий макияж со стрелками чуть ли не до ушей, кремовое полупальто, причёска «тридцать лет в торговле» – и, придерживаясь за спинки кресел, двинулась к выходу. Пыхтя и охая, словно только что поднялась (лифт не работает) этаж так на пятый.

Когда она доковыляла до двери, короткостриженный мужчина, сидевший в конце салона и до этого момента, похоже, совсем не беспокоившийся, что на Октябрьской не остановили, резво встал и тоже проскочил к выходу.

– Вот ты ж! – водитель хлопнул ладонями по рулю. – А ты-то чего молчал!?

Он на секунду отвернулся, цыкнул что-то сам себе и громко, с интонацией «нашли, бля, клоуна», спросил:

– Все вышли!?! Можно ехать!?

Едва пассажир выскочил на улицу, дверь захлопнулась, и маршрутка поехала.

Женщина торопливо – смешной раскачивающейся походкой королевского пингвина – зашагала назад к остановке. Мужчина пошёл за ней. В том же темпе – не сокращая и не увеличивая дистанцию в три-четыре шага. Худощавый и высокий, он шёл совсем неспешно, даже не шёл, а прогуливался, как гуляют по парку, глаза по сторонам. А что до дорожной сумки через плечо – так почему бы и не пройтись с тяжёлой на вид сумкой?

Возле остановки женщина обернулась. Заметила, что мужчина идёт за ней – плечо, пальто, на лицо даже не посмотрела, – и вздрогнула. Хотя с чего бы? Он тоже проехал остановку. Как и она. И конечно же, шёл обратно, тут без вариантов – туда, где этот глухарь должен был их высадить. А в маршрутке молчал, потому что... Ну, засмотрелся-замечтался, или заснул. Потом услышал её громкое «На площади!» Сообразил что к чему – и бегом к выходу.

И всё-таки женщина испугалась. Она почувствовала что-то – из зимы – растаявшей, забытой – сейчас, в начале апреля. Так ветер пробивается сквозь одежду: *рано, ляфамчик, шубу сняла. Старая недобрая песня, солистка Невея: зря, голубушка, зря в тот автобус ты села; зря, хорошая, зря на него посмотрела...*

Солнце поднималось из дымки. Тени – размытые наброски – обретали чёткие контуры: делили газоны, перечёркивали лужи, лавочки, бордюры. Кое-где виднелся снег – несчастные сжавшиеся комочки, прячущиеся от весны.

Спокойное размеренное утро. Апрельское, тёплое. Таким утром ничего не может случиться. Тем более – плохого.

Людей вокруг было немного. Можно сказать – почти никого. Девушка, курящая у входа в магазин, прохожие перед горсоветом, несколько силуэтов на другой стороне, скучающий таксист возле машины.

Женщина прошла мимо пустой остановки, магазинчика, почты, а перед самым подземным переходом обернулась снова. Мужчина мог свернуть в арку, к магазину – одному, другому, третьему; в конце концов, зайти в банк, на почту. Если же он всё ещё идёт за ней, сюда, к подземному переходу, значит... Но мужчина уже не шёл следом – встал возле остановочного киоска, снял сумку с плеча, достал бумажник.

Женщина с облегчением выдохнула.

«Всё Тонькины котлеты, – подумала она. – Ночью нечисть снилась! И теперь вот... Почудилось».

Вариант I

Дверь открылась, и все замолчали. Семиклассники уставились на вошедшего – кто из-за чьей-то спины, кто вытянувшись, как суслик, кто, наоборот, откинувшись на спинку стула. Девочки заулыбались. У каждого – Рощин не в счёт – на столе лежал желтомордый учебник. Геометрия, Погорелов, 7—11.

Это был первый урок геометрии, и не только в этом году, а самый первый. И учитель был новый – по слухам, то ли из тридцать пятой, то ли из какого-то института.

– Меня зовут Александр Александрович, – громко сказал учитель, подходя к кафедре.

Очень скоро к нему прилипнет прозвище Саньч.

Шляпа, рыжее пальто и длинный-предлинный полосатый шарф, обмотанный вокруг шеи. Увидишь такого и нипочём не догадаешься, что он – школьный учитель. Камень в огород алгебраичке: не то что вы!

Саньч скинул пальто и швырнул на подоконник. Один рукав хлопнул по окну – невидимая рука поприветствовала кого-то на улице; другой – приобнял батарею. Шляпу и шарф учитель почему-то решил не снимать.

– Откройте первый параграф, – сказал он.

Семиклассники зашуршали страничками. Шелестящая бумажная волна прокатилась по классу.

Он смотрел на полочки, на выложенное и выставленное съедобное-несъедобное. Так ищут свой поезд в расписании – выигрышную комбинацию среди прочих трёхзначных: сверху вниз, по диагонали, слева направо. *Ну и где?*

Очень быстро мужчина нашёл то, что искал – замер, уставившись в одну точку. В синем-белый глобус на пачке «Азимута», втиснувшейся между «Прилуками» и «Бондом». Три параллели, пять меридианов. И подписи по кругу – русская и английская. Азимут, azimuth. Информации на две секунды – читай, перечитывай, ничего нового не найдёшь. Предупреждение от Минздрава, «filter cigarettes», крошечная «А» с короной. Жёлтая наклейка-ценник. Но мужчина смотрел на пачку, как на головоломку, будто бы поменяй буквы местами, поверни как-то по-особому земной шар – и появится новый смысл, и можно будет различить какие-нибудь отрезки-дорожки на миниатюрных континентах.

Лицо мужчины отражалось в витрине. Быть может, и смотрел он не на сигаретную пачку, а на впавшие щёки – гладковыбритые, только-только; на скулы, подбородок, губы; в ничего

не выражавшие глаза – так смотрят, когда ждут – не с нетерпением, не с надеждой или тревогой – просто ждут; и на морщины, которые как годовые кольца у деревьев. Осиное гнездо, построенное по весне – сот за сотом, этаж за этажом, с хитрыми переходиками и оболочками – l'naturel, l'idéal. Но прикоснись к заброшенному гнезду поздней осенью, когда самцы погибнут, а самки найдут другое укрытие – и пальцы утонут, легко пробьют серые стенки. Самки – жизнь, душа и память.

Витрина вдруг вспыхнула, стала ярким слепящим полотном – посмотришь на него секунду-другую, и перед глазами затанцуют красные пятна. Солнце отражалось везде, где только могло – в окнах, лужах, свежей краске на лавочках, в дорожных знаках, автомобильных бамперах и фарах.

Мужчина прикрыл глаза ладонью и отвернулся от киоска.

Подъехал троллейбус – бело-синий, с надписью «Samsung». Третий маршрут, «Вокзал – Песчаная». Остановился, открыл двери. Никто не вошёл, никто не вышел. Водитель досчитал до пяти, десяти, пятнадцати, двадцати – «Осторожно, двери закрываются» – и поехал дальше.

Мужчина спрятал бумажник, накинул на плечо сумку и двинул к подземному переходу – туда же, куда минуту назад проковыляла та женщина: случайная попутчица, случайная «соседка».

Переход изменился за последние месяцы – ещё недавно он был заброшенным и неопрятным: серость, слякоть, пустота. А если и не пустой, то с совсем неприятной публикой – алкашня да гопота или, как альтернатива, лохматый гитарист, очень быстро – бросаем мелочь в чехол – напивавшийся до состояния той самой алкашни-гопоты. Теперь же – плитка (шахматные комбинации: серо-белая и серо-красная), чистота – пусть и не идеальная, но мочой не пахло – и магазинчики: книжный, пирожковая, ювелирка... Если что и напоминало про старый переход, так это освещение – тусклые задыхающиеся лампы.

Поднявшись на поверхность, мужчина вынул из кармана маленький блокнотный листик. Бледные клетки, текстик чёрной пастой. То ли новая инструкция, то ли подтверждение-напоминание. Дом 141, там, где был магазин «Пионер», первый подъезд, код 385, третий этаж, квартира 7.

...мимо тыла «Интуриста» – входа в гостиницу артистов цирка; мимо витрин с хайфаем и хайэндом, мимо клумб перед магазином, к сто сорок первому дому, утопленному – окна на проспект, – задвинутому чуть вглубь...

Мужчина обошёл дом. Своды-каркасы с сухой виноградной лозой нависали над лавочками, чуть дальше были чёрные пластиковые мусорные баки, за ними – площадка с каруселью, турниками и лесенками. А фоном – другие дома: параллельно, перпендикулярно.

Мужчина ввёл код, поднялся на третий этаж и позвонил в дверь. Ему открыл невысокий крепыш лет сорока. Широкие плечи, большущие кулаки, вечная боксёрская стойка, – из той породы людей, которые «чуть что – сразу в дыню».

– Заходите, – сказал хозяин. Немного натянуто: «заходи» он произнёс бы куда естественней, но что поделаешь – издержки бизнеса.

Прихожая ничем не пахла. И не то чтобы не благоухала или, наоборот, не воняла – в квартире запахи отсутствовали как явление, будто бы каждый вошедший лишался обоняния. Ни обувных кремов-гуталинов, ни какой-нибудь антимальной лаванды, ни кухонных варок-жарок. Не говоря уж про другие запахи – жизни, уюта.

– Можно паспорт? – попросил хозяин и тут же добавил: – Ваш.

Мужчина кивнул. Вынул из внутреннего кармана пальто синенькую книжицу, протянул крепышу. Вопрос доверия, момент идентификации: собаки нюхают друг друга под хвостом – люди смотрят в глаза или просят паспорт.

Всё вокруг казалось нежилым. Словно обстановку создали пять минут назад – быстро, следуя каким-то правилам, расставили мебель, раскатали ковры, приколотили вешалку в прихожей, повесили зеркало... Так и должно быть: никаких напоминаний о прежних жильцах, всё твоё – пусть и не надолго – без вопросов, без прошлого и будущего.

– Го-ри-зонт, – прочитал по слогам хозяин. – Интересная фамилия.

Он вписал паспортные данные в блокнот и вернул документ.

– Ну, не буду мешать, – сказал крепыш. – Двое суток – триста гривен. Горячая вода, – он показал рукой на дверь в ванную, – всё есть. Полотенца на кровати, постельное бельё новое... Разберётесь.

Когда хозяин ушёл, Горизонт занялся осмотром квартиры. Никаких сюрпризов – он увидел то же, что и в любой другой «недорогой посуточной»: двойную кровать с громоздкими быльцами, журнальный столик, два кресла. На лакированной тумбе – телевизор «Электрон» со снятой крышкой, той, что под ручками громкости и яркости: красные регуляторы подстройки каналов. Над телевизором – штампованный пейзаж в рамке. В тумбе наверняка презервативы и парафиновые свечи-таблетки. По крайней мере, в других квартирах было именно так.

Совмещённый санузел, дверь в который с ручкой, но без замка. На кухне – мягкий уголок, навесные шкафчики, невысокий холодильник советских времён.

Вот и всё – привычно и аскетично. Как «пустой гарнир», как рис без ничего. Хочешь нормальное второе – добавь отбивную или котлеты, или хотя бы полей подливкой. Брось свитер на кровать, книгу или пачку сигарет на столик, выложи в ванной бритву и зубную щётку – и квартира-гарнир станет «узнаваемо твоей».

Горизонт открыл сумку. Вынул рубашку в фабричной упаковке, носки с этикетками, картонную коробочку с трусами (сложил всё на кресле), достал барсетку – пухленькую, забитую до отказа; затем выставил на пол одну за одной шесть банок сгущёнки. Классических, четырёхсотграммовых, которые узнаешь и с десяти шагов. Он выстроил из банок две трёхэтажные башенки, ловко подхватил их двумя руками и вышел в кухню, открыл ногой холодильник и – опля – закинул сгущёнку на верхнюю полку. Банки плюхнулись на решётку, постукались друг о друга и стихли.

Закрывая дверцу, Горизонт заметил деньги в «аптечном бардачке». Вроде просто цветные бумажки, но почему-то сразу было понятно, что это – дензнаки. Горизонт отодвинул рифлёную заслонку и вынул три зелёные купюры. Шестьдесят гривен, три по двадцать, «три франка». Он покрутил деньги, посмотрел их на свет, словно проверяя подлинность, и положил обратно.

Тох, я сучка.

Горизонт высыпал всё, что оставалось в дорожной сумке, на кровать. Дребедень, иначе и не скажешь: старые потрёпанные журналы, какие-то удостоверения, фотографии, письма, брелоки, ручные часы. Товар низшей касты коммерсантов – что нашли на чердаке, тем и торгуем.

С обложки «Mädchen Elli» смотрела девочка в национальном костюме.

Присев на край кровати, Горизонт принялся рыться в вещах. Взял – отложил, взял – бросил, пока не остановился на открытке. С одной стороны – красная звезда с серпом и молотом, цветы, фейерверки; с другой – поздравление синими чернилами:

Здравствуйте, дорогие Саша! Катя! Володенька!

Поздравляем вас с праздником! Желаем вам крепкого здоровья, счастья и благополучия во всём! Как вам живётся на новом месте? Как Володе новая школа? Собираетесь ли к нам летом?

Наталья Михайловна и Виктор Константинович.

Горизонт посмотрел на текст, будто желая увидеть что-нибудь ещё, что-нибудь между строк. Пристально, чуть прищурившись.

Яркие солнечные квадраты на ковре, просыпающаяся комната (днём, а тем более вечером, что ни говори, и кресла, и столик, и телевизор выглядят куда более бодрыми) и мужчина, читающий весточку из дома. Или, наоборот, весточку домой откуда-то с края земли.

И вдруг картинка рассыпалась. В дверь кто-то позвонил. Громкое дилинь-дилинь.

Глава 2

Н а т а ш а. Что вы так смотрите на меня? О чём вы сейчас думаете?

Геннадий Гор, «Странник и время»

Он точно видел её раньше. Когда девушка проскочила рядом – бегом, маршрутка отъезжает, – Антон Полудницин почувствовал что-то едва уловимое, «узнал и не узнал». Длинные тёмно-каштановые волосы, чёлка по брови. И глаза – большие, светлые, живые. Две серые луны. Как в песне: «с глазками без дна». Девушка заскочила в маршрутку, водитель закрыл дверцу.

К словам легко клеятся другие слова – синонимы, антонимы, толкования, дефиниции; к ощущениям – другие ощущения. Подобия, ассоциации, эмоции. Антон словно играл в да-нетки с собственной памятью: «Я хорошо её знаю?» – «Нет». – «Ну да, иначе б сразу вспомнил. А давно её видел?» – «Нет». – «Не то б уже забыл. У нас есть общие друзья?»

И варианты, варианты, варианты: двор, курсы, чей-то был тогда день рождения, столовая, соседний офис? В каждый из них легко можно было поверить, убедить себя в некоем «скорее всего», но вот настоящее «ну конечно же!» («Семён Семёныч!» – и хлоп ладонью по лбу) – не пришло.

В итоге Полудницин так ничего и не выловил в памяти, так ничего и не вспомнил. Возникло лишь ощущение чего-то «позитивного», причём не «нейтрально-позитивного», как бывает при общении, например, с официанткой («Как вам супчик?») или девушкой из кредитного отдела – скорее уж «лично-позитивное», что-то твоё и для тебя.

С чего начал – тем и закончил. Точно видел раньше. Знакомая. Не очень знакомая.

Антон подошёл к киоску. Выискал среди сигарет «Winston» и лишь после этого сказал киоскёрше: «„Винстон“. Единичку». В разноцветном сигаретном ковре – школьная коллекция над письменным столом – была дырка. Между «Прилуками» и «Бондом» вместились бы ещё пачка, но местечко пустовало. Широкая улыбка, которой недостаёт одного зуба.

Вариант II

На второй урок Александр Александрович опоздал. Вошёл как ни в чём не бывало в половине десятого, сказал негромкое «здрасьте» уже собиравшимся разбежаться кто-то куда школьникам (геометрии не будет!), прошёл к столу.

Тот же шарф, то же пальто, та же шляпа. Как выяснится позднее – эта одежда «дежурная» для Саныча, так он будет ходить и зимой и летом. Что странно, только в школу. Однажды Воронина встретит его на базарчике возле конечной в куртке и бейсболке.

Саныч снял пальто, свернул и положил на стул, затем сверху бросил шляпу. Светлорусые волосы, лоб с залысинами.

– Сегодня мы поговорим про прямую.

Надо было решить, что делать дальше. С одной стороны – вернуться на работу, пожалуй, самое правильное, но с другой стороны – ехать на работу совершенно не хотелось. Тем более, что отпросился Антон на целый день. Яичница спокойно сказала: «Конечно, езжай, если нужно». Никаких *сквозь зубы* или «ты же не на весь день?» Нужно – значит нужно, на весь день – так на весь день. А то, что Полудницин справился так быстро... Никому и не стоит про это знать.

Антон закурил и пошёл вдоль проспекта к площади Маяковского. Апрельское утро – как выцветшая фотография: чуть меньше контраста, насыщенности, чёткости.

С каждым шагом Антон удалялся и от работы и от дедового дома. Бывшего дедового дома? Нет, всё же – дедового. Двухкомнатная сталинка, в доме с окнами на проспект. Застеклённый балкон, привычно заваленный всякими коробками и ящичками с разношёрстными «пригодится» и «пусть будет»: проволокой, подшипниками, релюшками, замасленными свёрточками, втулками, болтами, флакончиками и бутылочками с чем-то чёрным или прозрачным. «Сокровища», – усмехнувшись, говорил отец.

Дед вообще был склонен всё впускать и ничего не выпускать – вещи легко оказывались в доме, но никогда не выбрасывались. Балкон был не единственной Аграбой. Антресоль, в шкафу, на шкафу, под кроватью... И конечно же, кладовка, на которой хорошо бы смотрелась табличка «Не влезай – убьёт!» Дверь нужно было открывать медленно-медленно, даже не открывать, а по чуть-чуть приоткрывать, вытягивая через щель навалившиеся на дверь коробочки и баночки, кульки и пакеты. Дёрнешь сильнее и рискуешь оказаться под завалом. Закрывалась кладовка в обратном порядке – всё постепенно закидывалось обратно, а в конце надо было навалиться плечом и задвинуть шпингалет... Впрочем, настоящий Форт Нокс был не в квартире, а в гараже. «Слышь, Константиныч, скоро уже и машину некуда будет ставить!» Несчастливая двадцать первая «Волга» еле втискивалась между забитыми до отказа стеллажами, а потом ей на багажник (на крышу, под машину) водружалось непомерившееся. Где-то в этих сокровищах, со слов деда, – найди, как в игре hidden object – прятались два разобранных велосипеда, надувная лодка и акваланг. Вещи терялись среди других вещей и исчезали где-то там в глубинах стеллажей, не просто забывались и приходили в негодность – как проржавевшее ведро или двадцатилетней давности заначка от бабушки (советские рубли: слишком старые для обмена, слишком молодые для коллекционеров), – а словно оставались в том времени, когда здесь оказались. В прошлом, которое – хоть минуту назад, хоть столетие – одинаково недостижимо.

Дед умер прошлой осенью, в середине октября. Всё это время квартира пустовала. Пару раз в неделю то Антон, то отец заскакивали сюда что-нибудь взять, протереть пыль или же просто «проверить квартиру», посмотреть «чтобы в порядке».

Вещи переезжали из дедовой квартиры к младшим Полуднициным по чуть-чуть, неспешно – месяц, второй, третий, а заглянешь в квартиру – и вроде бы всё на месте. Можно было, конечно, перевезти за один раз, нанять машину – загрузить, разгрузить, – но большинство дедовых сокровищ казалось наследникам бесполезным хламом. И всё же – дедовым: вроде как «рука не поднимается выкинуть» и «как-нибудь потом». Дедовыми оставались и переехавшие вещи, упорно держались особняком, не желали становиться местными. Будь то плоскогубцы, отвёртки, часы. С виду такие же, но откроешь, к примеру, коробку с инструментом и невольно замечаешь, что эти – твои (купил, принёс, привёз, подарили), а эти – от деда. Сегодня Антон прихватил тетрадки – обычные, на восемнадцать листов. Дневники-воспоминания.

Спустя полгода после смерти деда появились новые дела, связанные с квартирой. Оформление наследства. Ангелам требуется сорок дней, чтобы провести душу сквозь все мытарства, припугнуть адом, избавить от тоски по телу и отправить на покой до второго пришествия; с нотариусами же несколько сложнее – им нужно шесть месяцев, а ещё – выписки, подтверждения, справки, свидетельства. Такое вот отличие «тонкого духовного» от «грубого материального».

Никто из Полуднициных не собирался переезжать в освободившуюся квартиру. Антон вот уже два года как жил на Мира, совсем неподалёку – жильё досталось от бабушки (маминой мамы), так же, после смерти, по наследству. У родителей Антона была трёшка на Метлинском; пусть и в спальном микрорайоне, вроде как на окраине города, зато обжитая и просторная; тем более – работала мама там же, на Метлинском, минутах в десяти-пятнадцати ходьбы от дома.

«Квартирный вопрос» никого не испортил. Антон был единственным ребёнком в семье («Ты по этому поводу серьгу в ухо повесил?»), единственными в своих семьях были и его родители. Ни тётей-дядей, ни разделов-завещаний.

Однажды, Антону было тогда лет семь, он пришёл с родителями в гости к «папиным» (то ли Рождество, то ли старый Новый год), и бабушка спросила: «А ты хотел бы братика или сестричку?» – «Нет», – тут же ответил Антон. Не задумываясь, как мог бы ответить про пятью пять. «Вот ты хитрый, – усмехнулась бабушка. – Чтоб ни с кем наследство не делить». Семилетний Антон не понял, в чём шутка, покосился на улыбающихся родителей и пожал плечами.

Раз уж никто не собирался жить в дедовой квартире, её решили сдавать. «Продать всегда успеем», – сказал отец. Они разместили объявление – сперва в бесплатной газете (из тех, что раздают на остановках), потом в парочке платных, а затем, когда маму на работе напугали историями о том, «как бывает», обратились в агентство. Риелтор приехала на следующий день: лет сорока пяти – пятидесяти, невысокая, полная, с короткой стрижкой. Зинаида Михайловна. Её вид совсем не вязался ни с self-made девушками из рекламы агентства, ни с модно-иностранным названием профессии. Куда естественней она бы смотрелась где-нибудь на складе-производстве («Михайловна, а где накладные?») или в конторе из какого-то советского фильма («Зиночка, приготовь-ка нам чаю»). И всё же, следует отдать ей должное, все её «ой, какая светлая!» и «такие высоченные потолки!» достигали цели, давили на нужные кнопки в умах-сердцах потенциальных съёмщиков, таких же кап-советских граждан (товарищей?), как и она сама. Зинаида Михайловна звонила каждый вечер: «Не могли бы вы завтра...» Клиенты, по большей части молодые семьи (без вредных привычек, домашних животных и детей), приходили, смотрели квартиру, улыбались, кивали на комментарии риелторши, соглашались с ценой и...

Всякий раз находилось что-то мешавшее им сдать квартиру «хоть завтра», что-то уж точно не из перечня договорных «непреодолимых сил», что-то исключительно своё, субъективное, семейное... Полудничины *решили* сдавать квартиру, но почему-то *не хотели* её сдавать. Если возникла хоть малейшая зацепка, любое сомнение, их тут же возводили в степень: «Глаза у них странные – уж не наркоманы ли?», «Сорок лет и без детей?», «Всего на один месяц?» Зинаида Михайловна иногда даже бурчала: «Хорошие люди, согласны заплатить вперёд, а вам всё не так!» – обиженно прощалась, но потом звонила снова и приводила новых клиентов.

Сегодня Антон должен был встретиться с потенциальными жильцами четырежды – в девять, в одиннадцать, в час и в три, – но состоялся лишь первый визит. Две студентки осмотрели квартиру, сказали, что всё отлично, но, к сожалению, дороговато для них.

«Остальные сегодня не смогут, – сказала Зинаида Михайловна. – Попросили перенести, – она зачем-то нахмурила брови. – Ближе к выходным, – и напоследок, совсем уж строго: – Позвоню».

Антон свернул к фонтану, сделал пару шагов и остановился. Будто засомневался – идти дальше или нет, – но тут же кивнул сам себе и прошёл к одной из лавочек.

Солнце отражалось в брусчатке – крошечное пятнышко в каждом шестиграннике. Сверкали лужи, лавочки (такую проверишь, прежде чем сесть: не окрашена ли?), камни-скульптуры, даже урны.

Месяц, чуть больше, и горожане свыкнутся с теплом, станут носить тёмные очки, прятаться в тень, бухтеть «ну и жара!», вытирая пот платочками, но пока... Антон и не подумал забраться в тенёк – сел на залитую светом лавку – правда, «по-зимнему»: задницей на спинку, ногами на сиденье – и, сощурившись, глянул на солнце. Красные круги пробежали перед глазами. Как в детстве, на море – закрой веки, прикрой их ладошкой, или даже набрось на лицо полотенце, а яркие лучи всё равно пролезут к тебе. Бесконечным летом, когда мама или папа

говорили: «Через два дня уже и домой» – и было легко понять, о чём они, но это не имело значения – времени просто не существовало.

Пятилетним Антон почти весь год прожил у *бабуши и дедуши*, и дед нередко, едва придя с работы, кричал прямо с порога: «Ан-то-ша! Ну-ка давай бегом одевайся!» Чаще всего они ходили к фонтану – этому, ближайшему, почти домашнему. Дед вёл Антона за руку и что-нибудь рассказывал. Медленно, словно поддерживая темп ходьбы. «Прогулки перед сном очень полезны», или «Когда твой папа был маленьким...», или «Вот когда ты вырастешь...» Если ещё не совсем стемнело, а домой возвращаться не хотелось, они спускались к парку и самолётам. А иногда, обычно по праздникам или в выходной, выбирались к главному фонтану – на Октябрьской, тому самому, что «пойдём на фонтан» и «жду у фонтана». Здесь проходили концерты, стреляли салюты, сюда приезжал луна-парк.

Вряд ли воспоминания Антона про то время были своими – скорее «новодел», дореволюционные монетки, отчеканенные в гараже возле рынка пару дней назад: из рассказов-историй, разговоров-фотографий – родственников и не только. В одном котле варились телепрограммы и семейные альбомы, открытки и старые газеты, дополняя друг дружку, рисуя одно большое полотно. «В пять лет я...»

За эти годы площадь Маяковского изменилась, стала совсем другой. В книге «Наша Родина», из отцовского детства, она была выстлана крупной прямоугольной плиткой, фонтанки в фонтане расставлены звёздочкой, пятиконечной, как её любили рисовать школьники – пять отрезков и готово; ближе к центру – высоченные струи, по краям – чуть ниже; за фонтаном – флаги: красные и красные с голубой полосой.

Потом фонтан перестал работать, его закрыли на ремонт и забыли – на год, второй, третий; меж плитами стала пробиваться трава – где невысокая, а где просто заросли; появилось несколько киосков-батискафов, на месте флагов – летнее кафе.

Такой площадь была на Янкин выпускной. Яна и её подруга с забавной фамилией – то ли Артёмчик, то ли Андрейчик – прихватили пару бутылок шампанского и сбежали сюда, к Антону, едва закончилась официальная часть с завучами и родителями. Здесь они пробыли почти до утра – смеялись, бегали по периметру «пентаграммы», отходили к киоскам за новой выпивкой – благо возраст покупателей тогда мало кого волновал; кричали проходящим мимо: «Семьдесят пятая – лучшая!»

В нулевые, году в 2003-м, площадью занялись всерьёз: новая брусчатка, новые клумбы, новые лавочки. И новый фонтан – с шаром в центре. Струи теперь не били вверх как гейзеры, их сменили пять симпатичных водных куполов-цветочков. Душевно-спокойный вместо торжественного и торжественно-заброшенного. Ещё на площади расставили камни – большие, гладкие, с языческим орнаментом.

Сезон фонтанов начинался лишь на майские. Антон был зрителем, пришедшим слишком загодя – пустой зал, пустая сцена. Как в кино минут за тридцать до начала сеанса. Молчащие ряды; спинки – деревянные или мягкие бархатные – не так уж и важно. Приглушённый свет. Всё вроде бы на месте: и расшторенный экран, и глаз кинопроектора за спиной, и зелёный «Выход» над дверью. Но что-то не так, кажется, что зрителей не будет – ни без двадцати, ни без пяти, даже в ровно; и не будет фильма – механик просто забудет его включить.

Эта площадь, этот фонтан были особым местом. Его личной территорией – комфортной, своей. Такой же, как и порт Ленина, пляж возле Старо-Николаевского моста, стадион мединститута, спуск за «Радугой».

Видимо, у каждого есть свой город, собственного размера, – включающий ровно столько мест и событий (*одно – мало, а три уже много*), сколько человек способен принять. Даже если бы Антон переехал жить в другой город, намного больше – шумный, быстрый, – он навер-

няка и там нашёл бы такие территории (и не обязательно пляж-стадион-спуск), которые и сложились бы в его, Антонов, мегаполис.

Что же особенного было в площади Маяковского? *Удобное расположение, приятная обстановка* (как в рекламе кафе или ресторана)?

Впрочем, сколько уж раз всё здесь менялось. А ведь любимое заведение чаще всего переставало быть любимым именно тогда, когда приходил новый хозяин, или затевался ремонт, пусть даже недолгий – на пару месяцев, – и кнайпа становилась другой: причёсанной, современной, но безнадёжно чужой. Если так, то площадь преображалась до неприличия часто. Вывески на домах: «Наша цель – коммунизм» из тех времён, когда Антон ещё не родился, «Ленин с нами» с детских фотографий, «Слава Жовтню» и «Человек, ты в ответе за всё» из конца восьмидесятых, и нынешняя: «Свадебный салон Линда» – золотистые буквы на чёрном фоне – прям-таки траурно-похоронная... Может, было что-то неизменное, вечное для площади Маяковского, что-то, что и сейчас, и тогда, и совсем давно? Как вопрос из теста на IQ: выявите закономерность, найдите зависимость. Но Антон приходил сюда не к тысячелетнему столбу или святому источнику. И не потому, что здесь какая-то неземная тишина или отсюда величественный вид.

Что же тогда? Расположение? Апострофы-минуты, кавычки-секунды. Недалеко и привычно? Только вот стал бы он ходить сюда, если бы здесь – прямо на этом месте – построили торговый центр: с фонтанчиком в холле, хорошими и не очень кафешками, лифтами, эскалаторами и сотней магазинчиков-бутиков? Нет, подумал Антон, точно нет.

Подул ветер. *The wind from nowhere*. Холодные руки заползли под куртку, прошлись по спине, нырнули под рубашку.

Была ли работа Антона комфортным местом? Он даже хмыкнул, подумав об этом. *Да уж, конечно*. Работу можно было назвать непыльной, спокойной – временами даже слишком: иногда сидишь весь день перед монитором, просматривая какой-нибудь *webpark*, пересылая анекдоты по аське или раскладывая «косынку». Не сложно и не напряжно. Нормально, но не отлично. От работы веяло бессмысленностью, а ведь комфортное, личное не может быть бесполезным и ненужным, как и человек для самого себя не может быть тупым и пустым.

Всё вдруг показалось Антону мультяшным, ненастоящим. Дедушкино: «Хм, ну что это за работа!?» Хотя говорил он так не про Антона, а про соседского внука, раздававшего у перехода всякую рекламу. *Снова-где-то-скоро. С-вами-с-нами*. Бумажки, как выразился дед.

Бумаги хватало и в Антоновом офисе. Ежедневные отчёты-таблички, согласования, акты, и шредер – коридорный идол, всё в итоге съедавший. «Ты сильно занят?», «Надо очень срочно!», «Бросай остальное, это на сегодня самое важное!» Кафка, 1%-й раствор. Институтский экзамен по БЖД.

Да и сотрудники, со-трудники, хотя какой уж тут труд – со-комнатники, со-офисники... Тот же Бомка, например. Высокий бородач, чуть прихрамывающий при ходьбе. Отставной военный, из штабных – деловодство, делопроизводство. «Бомка – это не фамилия, – шутил охранник, – это – должность». А иногда – «диагноз», «судьба» или даже «приговор». Антон тут же вспомнил красную рыбу – сочную, свежую, – которую Бомка не задумываясь завернул в оригинал паспорта сделки... Или Хохликова – вечная безнадёжная Бомкина страсть: «Руки убери!», «Отстань!» Сорокалетняя брюнетка с детским смехом и грудью третьего размера. Или Яичная.

Скажи мне, где ты работаешь. Скажи мне, с кем ты работаешь.

Время таяло в солнечных лучах, как кусочек масла на сковородке. Так часто бывало: мир будто уплывал куда-то – медленно-медленно, а вместе с ним и тело: руки, ноги, голова –

оставались лишь мысли; или даже душа: подсматривающая, знающая. Воспоминания-напоминания, не зря же апрель – «пролетник».

Машины бесшумно заскользили по проспекту. Воробьи замерли. Часы над авиакассами остановились. «Увидишь, что воробей шагает, не прыгает, а именно делает шаг – загадывай желание». Воробьи с галстучками, воробьихи – без.

Почему что-то вдруг кажется нереальным?

Всякое «не» – вторично; чтобы поставить минус перед циферкой, прежде всего нужна эта самая циферка. Не бывает просто «*a* неравно» – обязательно должно быть «неравно чему-то». И значит *нереальности* нужна *реальность* – та, которую ты знаешь, видишь, понимаешь, та, с которой легко сравнить. Даже не *реальность* как «шото такое», а например, «в январе плюс двадцать не бывает». Одно дело: «Реально?» – «Нет»; и совсем другое: «Тут в одной только прихожей квадратов десять, а у нас – последний рулон».

«Чем можно измерить реальность? – подумал Антон. – Что послужило бы градусником для того же офиса, работы?» Он пожал плечами. «Деньги?»

Бабки, мани, кэш, лавэ, у. е. Разница, если верить Стиву Фишеру, между спокойствием и расслабухой. Клоун с зарплатой президента – уже не клоун. А вот менеджер-по с окладом разнорабочего...

И тут Антон Полудницин снова увидел девушку. Ту самую – узнанную-неузнанную. Она вышла из жёлтого «Икаруса» -гармошки на остановке через дорогу. Чёрная юбка чуть выше колена, белая блузка, пиджак. Вроде как вернулась, пусть и не совсем: туда со Сталеваров, назад на Маяковского. Антон вдруг подумал, что ошибся, на таком расстоянии и немудрено, но нет – это была она, точно она. Знакомая походка – быстрая, но всё же женская, женственная, лёгкая. А ещё это движение рукой, жест, которым она поправила волосы. Девушка обошла «Современник» и нырнула в арку.

Аня, вспомнил Антон, Аня Вирник.

Глава 3

*Земля, де бігав ти маленьким, є твоїм домом.
«Скрябін», «Шукав свій дім»*

Бомбилья обожгла губы. Быстрая боль – *ой, ай* – секунда, а то и меньше, когда чувствуешь, как что-то противное, паршивое пробегает по ниточке нерва, будто бы ток по проводу, и тут же – отстранись – стихает, тухнет, гаснет. Словно коснулся больного зуба – нестерпимое мгновение, и сразу – тише, тише, тише – острая становится тупой, а затем и вовсе исчезает.

– Вот ты ж ноль-один, – фыркнул Полевой. И надо было прикоснуться к раскалённой трубочке именно этой ранкой на губе. Лопнувшей губой.

Полевой осторожно, подушечками пальцев потрогал бомбилью. Горячая, действительно горячая. «Они б ещё из серебра эту хрень отлили!» Чаша-тыква смотрела то ли на Полевого, то ли куда-то в сторону. Висит-груша-нельзя-скушать-в-чашке-чай-нельзя-попить. Полевой подумал, что можно было бы вынуть трубочку, а самому хлебнуть мате, как чай из стакана, но тут же представил, что все эти листики, палочки, цветочки, корешки окажутся во рту – *тьфу, блин*, – и отодвинул калебасу на середину стола. К себе же придвинул пепельницу – *ты поостынь, а я пока что покурю*.

Когда-то у его тётки были серебряные ложечки. Маленькие, чайные, с хитросплетёнными буквами-инициалами на ручке, крошечной короной и датой изготовления – тысяча восемьсот какой-то год. Тётя говорила, что они – польские. «Только не из той Польши, – улыбалась она, – откуда мы с твоей мамкой тряпки таскали». Ложечки были красивыми, но совершенно непрактичными: окуни такую в чай, и она тут же станет огненной. Наверное, эти ложечки до сих пор хранятся где-нибудь в серванте, ждут повода, когда ими похвастанут – не «были», а «есть», – только вот сама тётя теперь «была» – в последний раз Полевой видел её лет десять назад, когда ещё учился в институте.

Над барной стойкой (или как её правильно назвать в кафе?) висела плазменная панель. Крутили клипы. Без звука – негры с толстыми цепями на шеях, в бейсболках, надетых козырьками набок, агрессивно и безмолвно выкрикивали что-то, в то время как на фоне вертели задницами мулатки. Окно в страну Оз, расходящиеся тропки.

Официантка протирала кофе-машину. Естественное освещение – лампочки и подсветки отсыпались – что-то домашнее, даже ленивое. Субботнее утро без особых планов, когда можно проваляться в постели хоть целый день. Было легко представить, что официантка не на работе, а у себя на кухоньке – одна, с обыденными делами: никто не посматривает, никто не подсматривает.

Кроме Полевого в кафе было ещё двое посетителей: парень и девушка, парочка – они держались за руки и молча смотрели друг другу в глаза. *In the beginning*.

Всего зал вмещал пять столиков, небольших – шестьдесят на шестьдесят; одному вроде и неплохо, но втроём – а судя по стульям, именно на троих столики и рассчитывались (одна сторона у всех – к стенке или к окну) – будет тесновато. Вдобавок ко всему на столиках стояли перечницы с солонками, сахарницы, салфетки, зубочистки и ламинированные бумажки-рекламки на подставочках: «Весеннее предложение», «По будням скидка на всё меню», «Блинная неделя»...

Полевой много раз проходил мимо этого кафе, но внутрь заглянул впервые. По правде, он ожидал, что здесь будет просторней – с улицы почему-то казалось, что помещение больше раза в два, а то и в три. Тем более – у входа нередко висели афиши: вечером в пятницу выступает группа такая-то. Где они умещались? Прямо квартирники какие-то.

Big L.

Ларка, Ланка, Ленка, Лерка.

Затушив сигарету, Полевой снова потрогал бомбилью. Пожалуй, нет – пусть постоит ещё. Он достал телефон, глянул на время. Двадцать минут одиннадцатого. *Почти*. Полевой залез в меню, выбрал «Программы», затем «Игры», но тут же нажал отмену. Почему-то решил, что играть в «Судoku» или раскладывать карточный пасьянс – какой-то идиотизм, детский сад. Причём идиотскими игры показались не вообще как явление, а именно здесь и сейчас. Полевой отложил телефон, покосился по сторонам и вспомнил про стойку с журналами, которую видел у входа. Встал, подошёл, взял самый верхний.

Содержание журнала как-то плохо вязалось с игривой обложкой и названием «Кофеёк». Можно было ожидать чего угодно – от кулинарных рецептов и шмоток до жёлтых сплетен и новых автомобилей, но только не политические эссе вперемешку с бизнес-аналитикой. Полистав журнал туда-сюда – схемы, графики, таблицы, – Полевой остановился на статье Голдстейна «Где кончается родина?»

Выделенный жирным абзац: «В словарях вы найдёте одно и то же определение. Родина – это государство, где человек родился и гражданство которого получил. Иногда добавляют: территория, на которой исторически проживает его род».

А дальше уже обычным шрифтом: «В теории всё просто, однако, как водится, на практике возникают вопросы. И их немало. Например, такой: если семья ребёнка уезжает из страны своих отцов и дедов, едва ребёнок родился, то какую территорию считать родиной ребёнка? Ту, где он родился, которую не запомнил и, возможно, никогда больше не увидит? Если верить словарям, то да, именно так: родина – это биологический отец, пусть даже сбежавший сразу после зачатия».

А потом: «В статье „Капитализм и иммиграция рабочих“ Ленин писал: „Нет сомнения, что только крайняя нищета заставляет людей покидать родину, что капиталисты эксплуатируют самым бесовестным образом рабочих-переселенцев“. В целом, большевики, рассматривая „национальный вопрос“, были вынуждены плыть меж Сциллой и Харибдой, признавая, с одной стороны, „право нации на самоопределение“, под которым „разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов“, а с другой стороны, критикуя „буржуазный национализм“, потому как „национальная культура“, со слов того же Ленина, „вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии“, а цель марксизма – „интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве“».

И ещё, на следующей странице: «Здесь, пожалуй, следует остановиться на так называемом комплексе *Антея* – мнении, что постоянное проживание в одной местности способствует формированию гармоничной личности и, как следствие, ответственного добропорядочного гражданина».

Разница не столь уж велика. Один сказал бы: «Он отложил книгу и посмотрел в окно», – а другой: «Едва солнечный зайчик пробежал по странице, он отложил книгу и посмотрел в окно».

Мимо кафе время от времени проходили люди. Их одёжка в такие дни – первые по-настоящему тёплые, весенние – выглядела как витрина бутика: здесь и нераспроданное из зимнего, и актуальное весеннее, и новое летнее. Прошлое, настоящее, будущее. Кто в куртке с меховым воротником, кто в плащике, кто в лёгком свитере. Не хватало разве что совсем уж отчаянных – в майках и шортах, хотя встретить кого-нибудь одетого так в троллейбусе или трамвае, Полевой не особо и удивился бы. Можно сказать, он и сам был из таких, «опережавших время» – нет,

Полевой не одевался как на пляж, едва потеплеет, но всё же, случалось, чуть солнце начинало припекать, превращая снег в лужицы, он закидывал куртку в шкаф, менял ботинки на туфли, и выбегал на улицу – и пусть рубаха надувается как парус, а в туфлях легко поскользнуться на мокром снегу – это было «настоящее», «правильное» тепло, которое и не почувствуешь иначе как в апреле.

В детстве у Полевого не было весны. Его отправляли к бабушке в конце мая – начале июня, когда заканчивались занятия в школе, и он прыгал из зимы в лето: из крайнесеверных нуля – минус двух в жаркий украинский червень.

Позднее бабушкин город перестал быть «каникулярным» – Полевой с родителями перебрались сюда насовсем. Сменили адрес, переехали. Здесь он окончил школу, затем институт. Сразу же после защиты Полевой устроился работать в одну фирмочку, прозванную в шутку «Стригу и рою ямы» – сфера деятельности в её рекламе была как винегрет: подсолнечное масло оптом и в розницу, помощь в сертификации, лак и краска, переводы с заверением нотариуса, грузоперевозки. «Мы можем всё!» – с гордостью заявил генеральный на собеседовании. Что ж, в чём-то он оказался прав – Полевой, устроившийся «продажником», занимался всем чем только мог – настраивал сеть, развозил какие-то письма, рисовал каталоги, – не считая основные обязанности. Как говорил один знакомый: «В маленькой компании никогда не знаешь, что у тебя за должность».

Полевой проработал в фирме с полгода и уволился, пару месяцев шатался по центрам занятости и ярмаркам вакансий, пока случайно не встретил институтского товарища, который успел обосноваться в столице. «Не хочешь ко мне менеджером?» – спросил товарищ. «А почему бы и нет?» – ответил Полевой. И уехал в столицу, вроде как «если получится, то с концами».

Он любил рассказывать про свои переезды, мол, жил там, потом там, теперь вот в столице, вспоминая по ходу и свою школьную неусидчивость, шутка ли – сменил пять школ, семь классов, все буквы – от «а» до «д», да и одноклассников наберётся человек двести. В этих историях Полевой словно был героем фильма 80-х – странником, приезжающим в маленький городок на мотоцикле – загадочный, незнакомый, новенький, – герой с кем-то ссорился, в кого-то влюблялся, а перед финальными титрами снова садился на мотоцикл и уезжал вслед уходящему за горизонт огромному красному солнцу.

«Шило в одном месте», – сказала Ксюша-Чайка. «Ищет душа, но не может найти», – сказал кришнаит Валера.

Через дорогу от кафе висел большой – в три этажа – плакат ко Дню космонавтики. Гагарин и Хрущёв приветствовали народ с трибуны мавзолея, а за их спинами разноцветные ракеты неслись к Млечному пути и ярким, как из школьного учебника, планетам. Красная надпись сверху: «Через тернии к звёздам».

Под плакатом был вход в клуб «Канзас». Ночью буквы вывески мерцали, а светящиеся колёса телег начинали вращаться. На пятом курсе института это заведение стало для Полевого и его друзей навязчивой идеей – они шли туда, едва появлялись деньги. «Канзас» казался им самым лучшим местом в городе – дорогим («оно того стоит»), престижным («я обычно в „Канзасе“ торчусь») и модным («ну а куда ещё DJ Emerald приедет?»). И своим – но только для тех себя, что могут (смогут) торчать там каждый вечер, – будто бы окошко в завтра: удачливое и денежное. «Сдам госы на пять – веду всех в „Канзас“», «Спорим на пиво в „Канзасе“?»

Клуб был совсем рядом. «Но всё же, – подумал Полевой, – если я найду туда, то увижу что-то другое, не *то*, что раньше». Скучное. Бывшее. Уже проваливающееся в прошлое, сохнувшее, как забытое на столе яблоко. Такое же бывшее, как и сам этот город.

Город – ВПП. Город – пересадочная станция.

Полевой подумал, что должен быть какой-то особый эпитет, какое-то одно слово. То самое – верное, правильное, единственное. Как выпавшее «три» в игре-ходилке, когда твоя фишка стоит на «девяносто семи». *Родной? Любимый? Наш (твой, мой)? Бывший?* Вроде бы так. Да, да, да, и всё же – нет, как-то иначе.

Полевой стал здешним, когда ему было двенадцать, а значит родной (родился, родина) – не этот город, а тот – далёкий, заполярный – с его совсем уж сказочно-забытыми минус сорока, северным сиянием – зелёным неоном в небе, полярной ночью, белым медведем на гербе и флаге, пограничниками в самолёте. *Любимый?* Скорей всего, но как долго город остаётся любимым? Он был любимым, как всё ещё любима девушка, с которой только что расстался. Немного времени, и всё забудется. Не станет ли через несколько лет любимой столица? Уже не *мой* и не *наш*. Возможно, *твой*, хотя...

Всё же говорить «бывший», пожалуй, рановато. Ведь если в столице что-то не заладится и ему придётся вернуться, то это не будет переездом, скорее уж – «на пару лет ездил работать в столицу». Тем более, приезжал сюда Полевой раз в два месяца, а то и чаще.

Значит, подумал он, просто город.

Три места жительства – как три времени года. Северный город – это зима. Ничего другого Полевой там и не видел. Снег, метель, холодина. Этот бабушкин-просто-город – лето. Всё детство Полевого он был исключительно «летним», да и потом – именно летом в этом городе открывалось что-то делающее его непохожим на другие города. Какое-то почти неуловимое ощущение, что *он* – это *он*, что горячий песок на пляже, зелёные парки, сочная черешня куда важнее, чем трубы заводов и ГЭС.

Столица – это осень. Хмурая, серьёзная, задумчивая. Первое своё жильё, пусть и съёмное, первая работа, которая должна прокормить «от и до», первые планы наперёд.

Три из четырёх, а значит, где-нибудь на карте есть и ещё один город. Весенний. Со всем тем, что сейчас за окном. Но только не мостик в лето, а площадь. Площадь Весенняя.

Полевой потрогал бомбилью, пододвинул калебасу и хлебнул мате.

Вариант III

– Итак, дамы и господа, – сказал Саньч и улыбнулся, как дядька из телика. Он резво скинул пальто, шарф и шляпу. Бросил всё на стол.

– К концу года, – шепнула Воронина соседу, – будет раздеваться целиком.

– Тема нашего сегодняшнего урока – треугольники, – учитель будто бы собирался рассказать про что-то невероятное, словно последние дни только и ждал, как войдёт в класс и расскажет всем, всем, всем – да, Роцин, тебе тоже – про эту восхитительную геометрическую фигуру.

– Треугольник состоит из трёх точек, – продолжил Саньч, – не лежащих на одной прямой, и трёх отрезков, эти точки попарно соединяющих.

Учитель замолчал и посмотрел на класс. Как-то причудливо, хитро – на всех одновременно.

– Записывайте, – сказал Саньч непривычно сердито.

Семиклассники удивлённо уставились на него.

– Писать-то вы, надеюсь умеете?

Сколько раз Полевой ни пытался приготовить мате дома, всегда получалось как-то не так – или слишком водянистый, будто разбавленный, или с какой-то неприятной горечью. Он нашёл немало рецептов, брал их в чайных магазинах, скачивал из Сети – вроде бы неукоснительно следовал инструкциям, – и ведь ничего сложного: залить горячей водой, перемешать, добавить ещё, вода должна быть не кипятком, а градусов восьмидесяти, и далее, далее, далее, – но результат оставался прежним. Полевой пробовал разные сорта мате – подороже-подешевле,

чистый или с добавками; вычитав, что дело может быть в калейбасе, купил новую; даже в обычной чашке готовил, а потом плюнул на всё это дело и поставил калейбасы в сервант, разложив рядышком мешочки и коробочки с чаем. Парагвайский уголок. Какая-никакая, а экзотика.

Хлебнув ещё мате, Полевой почему-то вспомнил про конверт в кармане. Заказ – кафе – счёт? Бабло – мате – бабло? Деньги Полевой вытащил сразу же, едва вышел на улицу, всё-таки «конверт с деньгами» вызывал какие-то негативные мысли: взятка (хотя кому бы пришло в голову его подкупать?), «серая» зарплата, что-то «мимо кассы». Конверт же не выбросил, а переложил в другой карман. Сперва не хотел мусорить, в обменке попросту забыл, да и на остановке, да и перед кафе... «Кстати», – кивнул Полевой сам себе и уже потянул было руку к карману – порвать конверт на мелкие кусочки и высыпать бумажки в пепельницу, – но тут ожил телефон. Замигал дисплей, Ната Смиринина замурыкала «Pure sunlight, fresh stardust, my heart is my compass...»

– Ал-лэ, – сказал Полевой. – Да, слушаю... Да.

К столику подошла официантка, взяла пепельницу с одиноким окурком, на её место поставила новую. Медленно и как-то безразлично, вернее даже – невовлечённо, будто была здесь лишь зримо, как мираж, как привидение – протяни к девушке руку, попробуй дотронуться, и ладонь пройдёт сквозь неё, ничего не почувствовав. Ты не в её мире, она – не в твоём.

– Нет, один, – Полевой кивнул официантке и заметил, что у неё на бейджике написано «Никаких имён». – Жду... Хорошо... Ну конечно.

На этом разговор и окончился. Или, раз уж обошлось без «До свидания» и «Прощай», прервался. Вроде как – продолжение следует.

Вполне ожидаемый телефонный звонок, обычная «рутина» официанток – поменять пепельницу, спросить «Что-нибудь ещё?» – *спасибо*, – но что-то изменилось, и в кафе, и в самом Полевом, и теперь мысль о том, чтобы порвать конверт, показалась какой-то неприличной, грубой, всё равно что плюнуть на пол, всё равно что сказать девушке: «Отстань, дура».

Словно что-то произошло. Событие, со-бытие. Не так давно Полевой обсуждал нечто похожее с Ларкой-Синицей. Она сказала: «Ничего не происходит», – а он спросил: «Совсем?» – «Ну, да, – ответила Ларка, – с утра до вечера одно и то же». И принялась перечислять свои привычные дела: убралась в квартире, приготовила кушать, закончила перевод, встретила с заказчиком... «И что, – спросил Полевой, – это не события?» – «Да уж! – засмеялась Ларка-Синица. – Никогда со мной такого не происходило! Это перевернуло жизнь с ног на голову!»

Полевой похлопал ладонью по карману с конвертом и спросил сам себя, улынувшись, вслух, шёпотом:

– Пусть остаётся на память?

Память. Помять. Помять память. Когда-то в гороскопе он вычитал: «Раки таскают за собой прошлое, как мешок». Что ж, так и есть. Полевой трепетно, временами даже чересчур, относился к прошедшему. Или точнее – бывшему, но не прошедшему. «Что-то проходит, а что-то никак». В квартире в ящиках стола у Полевого собралось немало «памяток», что угодно – два билета на «Воплі Відоплясова» с оторванными корешками, спички из «Irish Pub», визитки с выставок, палочки из «Ха Лонг» (Галя-Галка попросила тогда обычные приборы), давно просроченный студенческий... Да и сейчас, при себе: зажигалка, от которой он только что прикуривал, – не самая дешёвая, не самая дорогая – выкинуть, купить новую – но Полевой заправлял её снова и снова. А ещё брелок – доминошная кость, три-шесть. А ещё – жетончик из харьковского метро. А ещё – крошечная заклёпка от джинсов «Nimmie Amee». Всё то, что забыл забыть. Не говоря уж про эсэмэски, сбережённые, сохранённые: с полтысячи принятых, столько же отправленных.

«Отпусти ты вчерашний день, – сказала Викуля-Снегирь. – Пусть идёт». К слову, на Скрипку сотоварищи тогда, в «Гоголя», он ходил с ней.

Дверь в кафе открылась. Вошедший был высоким – не ниже метра восьмидесяти пяти. Не качок, но спортивного вида. Кроссовки, джинсы и курточка – синяя, с полосками на рукавах, – застёгнутая под самое горло.

Межник, почему-то сразу же подумал Полевой.

«Спортсмен» сделал шаг и замер, посмотрел сперва на парочку, потом на официантку, и только после – на Полевого. Словно выбирал, к кому именно подойти. Хотя какие тут варианты? – парочка вряд ли кого ждала, официантка подойдёт сама. Оставались столик Полевого, свободные столики, или же – на выход. Если, конечно, исключить варианты типа «Я хотел бы поговорить с администратором» и «Вашему вниманию предлагается новейшее средство от тараканов». Нет-нет, такие ведут себя гораздо уверенней, если не сказать – наглее, и уж точно не будут осматриваться – напрямую (напролом) к цели.

– Не путай прошлое и память.

– А ты при параде, – сказал «спортсмен», отодвигая стул и присаживаясь напротив Полевого. – Как на свидание пришёл.

– Обещали, будет не пыльно, – немного неуверенно ответил Полевой. На нём была белоснежная, только с утра распечатанная рубашка. Длинные рукава, чёрные готические буквы на спине: «Woodman». Не абы какая ценность, но всё же – пачкать и портить рубашку в первый же день не хотелось.

– Обещали-обещали, – усмехнулся «спортсмен» и протянул руку. – Межник.

– Полевой.

Несколько часов назад, услышав фамилию Межник, Полевой представил себе его именно таким – высоким, подтянутым – экстремалом из передач про горы-моря-океаны. Считаю – не ошибся. Не хватало разве что сноуборда под мышкой. А вот Колодезного, наоборот, вообразил низким, толстым и неуклюжим – похожим на Весельчака У из мультика.

– А что наш третий? – спросил Межник.

– Ждём, – пожал плечами Полевой.

Колодезный явился без пятнадцати одиннадцать. Сощурившись, осмотрел зал и через секунду зашагал к «правильному» столу.

– Вы – Полевой и Межник? – спросил он.

Рост – метр семьдесят, небольшое брюхо, в движениях – скорее заторможенность, чем неловкость.

– А вы? – растянув улыбку, поинтересовался Межник.

Глава 4

Идея была величественная, но создавала какое-то ощущение неудобства.

Стефан Ликок, «Здравый смысл и вселенная»

Все говорили: «её тело» – будто бы нашли не её, а лишь что-то некогда ей принадлежавшее. Всё равно что: её туфли, её платье, её куртку, сумочку, документы, ключи. «Ты что-то потеряла?» – «Да, своё туловище».

Сперва Саньч подумал, что девушка спит – «нажралась и отрубилась». Место было соответствующим. Детская площадка в парке: лесенки, качели, карусели – поржавевшие, покосившиеся – с детьми здесь гуляли нечасто, тем более, что совсем неподалёку, за прудом, была новенькая площадка с радующими глаз синими, красными, жёлтыми, зелёными башенками, горками, туннелями. Девушка лежала на лавочке, рядом валялись бутылки, какие-то пакеты, окурки – не факт, что её. Здесь постоянно кто-то пил, дрался, выяснял отношения, и снова пил, пил, пил. Такие заброшенные площадки есть везде – к ним быстро привыкаешь, спокойно, не обращая внимания (как на вокзальных бомжей-попрошак), проходишь мимо, или же – обходишь стороной.

Саньч сразу тоже прошёл мимо, лишь покосившись на девушку, но почему-то вернулся.

Она была совсем юной, двадцать – двадцать один, не старше. Голубые джинсы, водолазка и чёрный пиджак с едва заметными вертикальными полосками. Руки замерли в неестественном положении, как у тряпичной куклы. У девушки были длинные ярко-рыжие волосы. Пустой взгляд таранился куда-то вверх, в небо.

Дилинь-дилинь, дилинь-дилинь, дилинь-дилинь – настойчиво напомнил кто-то о себе.

Горизонт бросил открытку на кровать и посмотрел в сторону прихожей. Казалось, там спрятались все-все тени, что когда-нибудь гостили в квартире. Резервация. Краешек зеркала поблёскивал, словно глаза хищника. В бытность «Наутилуса Помпилиуса» Бутусов пел: «Она ненавидит свет, но без света её нет». Коридорная темнота, в которую вглядывался Горизонт, была иной породы. Ей было не важно, светит ли солнце за окном, задёрнуты ли шторы, горит ли люстра в комнате – как вечной мерзлоте не важны похолодания и оттепели.

Горизонт зачем-то повернулся и глянул на картину над телевизором – привычно-пошлую: пляж и голая тётка – и лишь затем встал и пошёл открывать дверь.

Не включая свет в прихожей, он нащупал замок и щёлкнул ключом.

На лестничной клетке стоял двойник Билла Мюррея, или даже – его альтер эго, будто бы актёр ушёл из кино после «Заводилы», поселился где-нибудь в лесу или у моря, и года через три стал именно таким: лицо, загоревшее уж точно не в солярии, погрузневшая улыбка и руки, как у того моряка в романе Кристин Валлы: «Кожа на руках у него была сухая и жёсткая, порой на ней можно было видеть трещины, которые начинались от костяшек и терялись где-то на ладони».

– Я от Владлены, – сказал мужчина, – за деньгами, – и замолчал. Видимо, хотел ненадолго сохранить интригу (*какая Владлена? какие деньги?*) или думал произвести впечатление серьёзного – важного, делового – человека. Мужчина даже нахмурил брови, но такой взгляд показался искусственным, чужим.

– Шестьдесят гривен, – пару секунд спустя продолжил он, – в холодильнике должны были оставить.

Горизонт кивнул в ответ и закрыл дверь. Медленно, осторожно. Так закрывают дверь в спальню, где только что (после получаса «Мама, принеси воды» и «Я хочу писать») уснул ребёнок. Не дай бог разбудить.

Из ночи в день и обратно. Горизонт прошёл на кухню, открыл холодильник – пятнадцативаттная лампа была похожа на спрятанный про запас солнечный свет, – едва заметно улыбнувшись, провёл рукой по банкам со сгущёнкой, взял деньги из ящичка и вернулся в прихожую. Щёлкнул замком, вручил гостю три двадцатки.

– Спасибо, удачи, – сказал мужчина.

Снова наступила тишина. Будто кто-то нажал на кнопку «mute».

Медленно, кивая на ходу в такт неслышной песне, Горизонт направился в комнату.

Вариант I

Александр Александрович пробежал взглядом по первому разделу, бормоча сам себе:

– Понятно, понятно... это тоже... ага, – и чуть громче: – Ага.

Учитель закрыл учебник, заложив палец между страничками, и посмотрел на класс. Три ряда парт, осеннее солнце сквозь шторы. В глазах школьников – немного заинтересованности, любопытства, какой-то растерянности, порой – тревоги, а иногда и безразличия, пока ещё – детского безразличия. Словно игра: семиклассники замерли, ожидая команды ведущего.

– Вот что, – сказал он. – Что такое геометрия, прочтёте дома. Откройте второй раздел.

– Так, может, сразу экзамен? – громко спросил кто-то с задней парты. Класс рассмеялся. И ожил.

– Мы и второй дома прочтём.

– Давайте лучшие пятый!

– Вот это – по-мужски!

– Александр Александрович, – Воронина подпёрла подбородок ладошкой. – У нас геометрия до одиннадцатого класса. Не нужно весь учебник за один день, а?

Длинные реснички, подведённые глаза.

Саньч словно ничего не услышал, поправил шарф и продолжил:

– Точка и прямая. Начнём, пожалуйста, с точки.

В открытое окно сразу же ворвался утренний город: мчащие по проспекту машины и приглушённые – эхо – скрежеты, скрипы, хлопки, голоса. А ещё запахи: влажный (от луж), табачный дым (курил кто-то из соседей) и едва уловимый городской, как запах кожи, который и не замечаешь – с окраины, от заводов – химических, металлургических.

Прямо под окном была крыша магазина. Прямоугольники рубероида. Так выглядят поля, если смотреть из самолётного иллюминатора, или – раз уж все они серые – чёрно-белая аэрофотосъёмка. Кое-где валялись окурки, целые островки, а иногда и мусор покрупнее – сигаретные пачки, пластиковые бутылки, какие-то пакеты. Жильцы бросали из окон то же, что и всегда, только вот дворники сюда не забирались.

И вдруг Горизонт словно вспомнил о чём-то. Отошёл от окна, быстрым шагом – герой рекламы, хлебнувший энергетика – двинул к кровати, стал что-то выискивать. Он отложил в сторону фотографию в рамке, будильник, несколько писем, ручку, потрепанный блокнот. Затем взял сумку и побросал всё это в неё.

Уличный шум будто бы растормошил Горизонта, вдохнул в него жизнь. *Крути педали, двадцать четыре дробь семь, в гробу отоспишься.*

Горизонт заскочил на кухню, вытащил из холодильника банку сгущёнки, положил в сумку, и тут же, усмехнувшись, вытащил ещё одну... Включил свет в прихожей. Обулся, надел пальто и вышел из квартиры.

Оставшаяся пустой комната всё ещё помнила о постояльце. *Он скоро будет, вот его вещи.* Рубашки, носки-трусы на кресле, барсетка на журнальном столике, куча всего на кровати. На месте картины, той, что висела над телевизором, осталось светлое пятно – не выгоревшее, не загоревшее. Как белая полоска от купальника.

Закрыв дверь и положив ключ в карман, Горизонт скорее всего хотел резво спуститься по лестнице, но сделал лишь пару шагов и замер.

Этажом ниже, на площадке, кто-то с кем-то оживлённо спорил. А впрочем, спор уже достиг той стадии, когда аргументы закончились и его правильной было бы назвать руганью.

– Прислоняйся! – рявкнул мужской голос. Серёдка – *слон* – прозвучала как-то особенно грубо, выпала, выскочила из слова. Какое-то «при», какие-то «яйся» и слон-главнокомандующий.

– Слонопотам – налей сто грамм! – завизжала в ответ женщина.

Осторожно, чтобы не выдать себя, Горизонт спустился на пару ступенек и, придерживая рукой полы пальто, присел на корточки.

Лица женщины было не видно – она стояла в дверях, в прихожей (рак-отшельник): наступила на порог мохнатой тапочкой, тыкала пальцем в стоящего перед ней мужчину. Который, к слову, оказался хоть и не старым, но знакомым – тем самым, которому Горизонт только что отдал деньги.

– Заслон прислону! – продолжил ссору мужчина. – Слоном прослону!

– Слонов не считай – иди помечтай! – мгновенно нашлась женщина.

Мужчина взбесился.

– Слономатка, слонить твою мать! – закричал он. И тут же стукнул кулаком по наличнику.

Удар получился сильным, как говорят – смачным. А ещё – отрезвляющим. Оба замолчали. Мужчина посмотрел в пол – то ли вмиг успокоившись, то ли испугавшись того, что чуть было не произошло. *Опять двойка? Проитрафился? Стратил?* Он развернулся и побрёл вниз. Медленные шаги – словно пытающиеся что-то сказать – извиниться, доказать, объяснить. Женщина закрыла дверь. Не хлопнула, что, наверное, больше подошло бы к ситуации, а прикрыла, мягко-мягко.

Горизонт немного выждал и спустился на второй этаж. Подошёл к двери, глубоко вдохнул, выдохнул и нажал на кнопку звонка.

– Недослон – слонозвон, – пробурчала хозяйка квартиры открывая дверь. Но, едва увидев Горизонта, стихла. Конечно же, она узнала его. Тут уж ни на какие котлеты не спишешь, тут уж не почудилось. Женщина перекрестилась и попятилась назад – беспомощная, напуганная. Она даже не думала, что делает, что нужно сделать – закричать, запереться в ванной, схватить что-нибудь – туфлю, лопатку – или бегом на кухню за ножом; в голове путались совсем другие мысли: как? почему? зачем? за что?

Сложив ладонь в кулак, Горизонт размахнулся и треснул по наличнику. Аккурат туда же, куда и приходивший от Владлены мужчина.

– *Вот тема сочинения, – сказал учитель и ткнул указкой в плакат.*

Я, ПОХОРОНИВШИЙ ОТЦА, Я, ТОЛЬКО ЧТО РЕБЁНКОМ ИГРАВШИЙ В СИММЕТРИЧНЫХ САДАХ ХАЙ ФЫНА, Я САМ ДОЛЖЕН СЕЙЧАС УМЕРЕТЬ?

Хорхе Луис Борхес, «Сад, где ветвятся дорожки».

Весь кабинет зарубежной литературы был увешан такими плакатами-цитатами. Чёрным по белому. Попав сюда в первый раз, ученики обычно осматривали всё, читали, что где написано, толкали друг друга: глянь! посмотри! зацени! А потом, уроке на втором-третьем,

*кабинет становился обычным кабинетом. Не такой сырой, как на ээ-о, – и на том спасибо. Спроси у кого, а была ли в кабинете цитата из Пруста – никто и не вспомнит.
– Не торопитесь, на всё про всё у нас два урока.*

Из школьных сочинений:

...Всё дело в симметрии сада. «Я» повторяется трижды. Первое «Я», похоронившее отца, второе – увидевшее симметрию, – и третье – готовящееся к смерти. История, повторяющаяся вновь...

...Это часть чего-то – рассказа, романа, – и мне кажется, являясь частью чего-то, эти строки не столь уж важны, как мы себе вообразили...

...Хай Фын может быть и городом, и человеком – это не имеет никакого значения...

...Это три человека. Один – зрелый, спрашивает: «Почему?»; другой – играющий ребёнок, видит уныние и удивляется: «Что произошло?»; третий – пожилой: «Я сам должен сейчас умереть?» Три взгляда в одну точку и три вопроса, звучащие как один.

...Если просуммировать порядковые номера букв Хай Фын, получится 101. Трёхзначное число. Три «Я». Две единицы и ноль. Единица, означающая нечто, и ноль как пустота... Три этапа жизни «Я». Симметрия сада и симметрия жизни. Единица как начало и конец – смерть отца и ожидание собственной, ноль – как пустота середины...

...Это вопрос богу. И слышим мы его, как слышит бог. Он смотрит сверху, и ему открыта симметрия сада...

Он сел в троллейбус на Октябрьской площади.

– Оплачиваем проезд, – сказала кондуктор Горизонту и ещё двоим, вошедшим здесь же. Ей было лет двадцать. Круглый значок «кондуктор-контролёр» на лацкане пиджака, собранные в хвост длинные рыжие волосы.

Глава 5

*Сто городов назад, где сотни других имён.
«Tequilajazzz», «Америки»*

Такие кафе Полудницин называл «американскими». Из-за интерьера. Клетчатый пол, бордовые кожаные диванчики, столики с закруглёнными углами. Вроде купе или кабинки – диван, стол, диван; и тут же снова – диван, стол, диван, и снова, снова. Казалось, сейчас кто-нибудь щёлкнет рубильником, и эта змейка придёт в движение, помчит по кругу, как карусель в парке. С потолка свисали светильники. На каждом столике стояли красные и жёлтые «брызгалки» (яркие, словно спортивные машины), солонки-перечницы, пепельницы (снова яркие, снова красные и жёлтые), жестяные коробочки с салфетками. На стенах висели чёрно-белые фотографии каких-то лесов и озёр. Барная стойка напоминала ленту выдачи багажа в зале прибытия – вперёд, полукругом и обратно. Возле стойки – высокие барные стулья с круглыми сиденьями. Над входом – большущие часы. Как в кино. Не хватало разве что музыкального автомата и флага.

Антон полистал меню – негнущиеся ламинированные странички на пружине – и выбрал яблочный штрудель. На картинке он выглядел весьма аппетитно. *Извини, Куп, вишнёвый пирог в другой раз.*

– Вот этот штрудель, – сказал Антон официантке. – И кофе.

– Кофе – эспрессо или американо? – уточнила она.

– Американо.

Девушка кивнула и забрала меню.

Проводив официантку взглядом, Антон достал из сумки дедовы воспоминания – стопку тетрадок, обычных ученических, тонких, в клетку. Их обложки были какими-то бледными, тусклыми, и Антон сперва даже подумал, что тетради – старые, откуда-то из дедового времени, откуда-то из «до меня» – шестидесятых, семидесятых, – ждавшие своего часа в кладовке, на антресоли, или где-нибудь ещё. Он взял верхнюю и перевернул. «18 листов. Цена договорная». Значит, новая – в те времена вроде не с кем было договариваться. По крайней мере, в киосках «Союзпечати». Антон посмотрел на следующую. Таблица умножения – столбики от 2 × 1 до 9 × 10 – а ниже: артикул, ёлка-эмблема и «Бумажная фабрика «Герой труда»». Точнее – «ОАО «Бумажная фабрика «Герой труда»». ОАО, обновлённая актуализированная осовремененная... То же было и на остальных тетрадках: акционерные общества и договорные цены. Как советские фильмы на DVD, как карта времён войны на экране монитора – прошлое в настоящем.

Все тетради были подписаны. «г. Мелекес. Школьные годы», «Отец уехал из Запорожья. Живу на частной квартире на Вознесенке, потом на 6-м посёлке», «Воспоминания 1947—1948 г.» и самая первая, с нехитрой пометкой в углу: «Тетрадь I».

Её Антон и открыл. Записи начинались с даты: 22/VIII—99, – затем шло название, вроде как общее для всех тетрадей: «Вехи моей жизни. Которые помню», а потом...

Пишу, пока ещё могу писать, пока ещё помню. Пишу, пока ещё не разучился писать, т. к. писать приходится редко, разве что доверенность на получение пенсии или заявление на материальную помощь. Пишу о себе и о своей жизни. Надеюсь, это будет интересно сыну, внукам¹.

¹ Мелким шрифтом здесь и далее – отрывки из воспоминаний деда автора, Алексея Фёдоровича Ерхова.

На слове «внукам» Полудницин запнулся. Или споткнулся об него. Почерк деда и так был невнятным – на некоторых словах приходилось останавливаться, вчитываться в них, пытаться разобрать наползающие друг на друга буквы, но «внуки» победили всех. Не формой и написанием, а, так сказать, содержанием. Антон был единственным внуком, и множественное число казалось чужим, списанным, заимствованным. Чем-то шаблонным, чем-то, что пишут и говорят, не задумываясь: «Я хотел бы поблагодарить избирателей за поддержку».

Или, улыбнулся Антон, у деда были внебрачные дети? Хотя, нет – он написал «сыну». Значит, у отца? Или дед посчитал, что антоновы родители решатся в свои пятьдесят на ещё одного ребёнка? Да и заглавие – *вехи* – тяжёлое, неповоротливое.

Между Полуднициным и текстом возникло какое-то напряжение. Такое случилось и прежде, правда, не с написанным, а с людьми. Без видимой причины.

Например, на той же работе, в первые дни – дело было в пятницу, которая, как выяснилось, «рабочая» лишь до обеда: впрочем, никто не расходился, все оставались в офисе до положенных шести, но вот звонки-счета-договора откладывались на понедельник.

Как в анекдоте: «*Что за перекуры во время работы?*» – «*А никто и не работает*».

В начале второго к Антону подошёл Бомка и спросил: «Ты что пить будешь?» Полудницин вопрошающе глянул на коллегу. Бомка удивился в ответ. «Тебя что, – спросил он, – по объявлению наняли?» Антон ничего не ответил, бородач хлопнул в ладоши. «Ну как же! Конец недели – хватит вкалывать, – Бомка пожал плечами, мол, что тут непонятного. – Ячичная по пятницам всё равно не приходит...»

«В общем, – он будто бы подвёл черту, – я бегу в магазин. Девчонкам – мартини, нам с охраной – коньяк. Тебе что брать?» – «Пиво», – ответил Антон. «Трёх хватит?» Полудницин кивнул.

Бегал Бомка недолго – за смертью таких не посылают. Минут через пятнадцать он вернулся в офис, громыхая бутылками в пакете, и бодро сказал: «Прошу, к столу». В комнату, где сидел Полудницин – вроде как самую просторную, – прикатили кресла. А дальше – *обычное отмечание чего-то на работе*, разве что тосты были не за кого-то или за что-то, а в общем. И разговоры о производственном вперемешку с личным. Когда Антон открывал вторую бутылку, речь вдруг зашла о кино.

«Вчера кино такое классное смотрела, – сказала Хохликова. – Наше. По „Первому“. Там ещё актёр снимался, тот, что Космоса играл».

«Дюжев, – подсказал Бомка и пододвинулся к ней вплотную. – С ним, кстати, недавно другой фильм вышел, – Бомка как бы между прочим обнял Хохликову, но она тут же скинула его руку, – „Остров“. Дюжев весь фильм на себе вытянул. Если б не он...»

«А как же Мамонов?» – влез в разговор Антон.

Бомка посмотрел в сторону Полудницина и махнул рукой.

«Да, – чуть ли не зевая, сказал бородач, – Мамонов, – и тут же, повернувшись обратно к Хохликовой, сменил интонацию, заговорил как мультяшный злодей: – Дюжев там самый яркий герой. Ты б видела! С бородой такой. Батюшка. В рясе».

Вот вроде бы и всё, такие зёрна не прорастают, сколько их не поливай, но всё же что-то случилось – между Антоном и Бомкой появилось какое-то напряжение, даже не потому, что зарождался конфликт (с чего бы? не поделили Мамонова с Дюжевым?), а потому что такая возможность просто существовала – в теории, где-то.

Остаток дня – рассказывая анекдоты, наблюдая, как Бомка играет с Хохликовой в кошки-мышки, смеясь, выходя покурить – Антон ощущал это непонятное напряжение. Да и Бомка, похоже, чувствовал то же самое.

Ну и хрен с ними, с *внуками*, подумал вдруг Полудницин, может, просто описка. И *вехи* в названии – дед ведь подводил итог всей своей жизни, так почему бы и не *вехи*?

Антон продолжил читать.

Я о своём отце знаю мало и в общих чертах. Родился отец в селе Теньковка Самарской губернии Средне-Волжского края 30 января 1906 г. Рано потерял родителей. Его отец Алексей погиб на русско-германском фронте. Мать Ремнева умерла, когда отцу моему было 4 года, и остался он сиротой. Ремнева – это девичья фамилия матери. Это случилось в 1910 г. Я её не знал и не знаю, как звали. Отец воспитывался у дядек. Одним из них был дядя Семён.

Отца я помню как доброго человека. Он нас, детей, никогда не бил. Когда возвращался с работы или из поездки в район, часто привозил разные гостинцы: то торт бисквитно-кремовый, то ветчинно-рубленую колбасу, которая тогда была в виде больших шаров, в натуральной оболочке, мясная, вкусная, не то что теперь. Я и Володя подбегали к нему, кидались на шею и спрашивали: «Папа, что принёс?» И когда ничего у него не было – он отвечал: «Сам пришёл». От отца пахло одеколоном и папиросами. Когда я пошёл в 1-й класс, учительница спрашивала, кем работают родители. Я знал, что мама нигде не работает – она домохозяйка, а про отца не знал точно, какая у него должность, знал только, что он работает в МТС. Пришлось спросить у отца о его работе, и он ответил, что работает замдиректора МТС по политчасти.

Иногда отцу приходилось выезжать на 1—2 дня в район в совхозы и колхозы. Он называл их, куда едет, говорил маме: я еду сегодня в совхоз им. Нариманова, или Лебяжье, или в «Третий решающий». Из района иногда привозил подарки. Это были механические игрушки. Особенно запомнились 2 поросёнка. Один играл на скрипке, другой бил в барабан. Эти игрушки заводились ключом, и когда их ставили на стол, скрипач водил смычком, и от вибрации двигались по столу, пока не кончался завод пружины. Сделаны игрушки были из жести и одеты в суконные сюртучки чёрного цвета. На голове были красные шляпки, из-под которых выглядывали розовые поросёньи пятачки. Эти игрушки мы с Володей очень любили. Слава ещё не родился.

Семья жила в г. Карсун. Когда отец был дома, он сажал меня к себе на колени, качал и курил папиросы. Из папиросы выходил струйкой белый дымок. Мне было интересно, и я потянулся к папиросе. Отец вынул папиросу, дал мне в рот и сказал: вдыхай дым в себя. Я вдохнул и от едкого дыма закашлялся. Дым мне показался очень противным. Больше я не пробовал брать папиросы в рот, и отвращение к куреву осталось на всю жизнь.

Прочитав это, Антон почему-то подумал про Яну. Вот уж действительно, неисповедимы пути твои, подсознание. И всё же – как призрак. Едва у Полуднищина получалось собрать в нечто целое фрагменты: маленький шрам над бровью, улыбку, пару крошечных рубцов на щеке (Антон называл их выбоинками), реснички, взгляд, – как тут же образ ускользал, прятался за чей-то другой. Раз! – и это уже не Яна, а Грета Гарбо в роли Анны Кристи. Раз! – и Лили Собески. Раз! – и (ну совсем же не похожа) Вайнона Райдер времён «Прерванной жизни».

А ведь если я решу написать воспоминания, подумал Антон, не сейчас – когда-нибудь позже, многим позже, Яна наверняка попадёт в них.

Полуднищин отодвинул тетрадки, вынул сигарету из пачки и прикурил.

«Что я напишу о ней? – спросил он сам себя. – Познакомились там-то и тогда-то, потом – то и то, и расстались? Или даже обобщу, как-нибудь неопределённо: *к двадцати восьми годам у меня случилось несколько романов, самым продолжительным из которых был с Яной?*»

Тут Антон вдруг представил, что говорит это не сам себе, а воображаемому читателю, которого ещё и в планах-то нет: Полудничину-следующему, или даже Полудничину-через-одного.

*Ты мне приснилась брюнеткой
С короткой стрижкой,
Как у мальчишки.*

С Яной – тогда ещё школьницей – Антон познакомился весной девяносто восьмого. Или нет, по-другому: с Яной Антон расстался в этом году, в конце февраля. Или даже: после того, как Яна переехала, они виделись лишь однажды. Пожалуй, так.

Они созванивались, слали письма по электронке – каждый раз говоря друг другу, мол, давай как-нибудь встретимся, найдёмся – и эта мысль понемногу обретала очертания, превращалась из просто *надо как-нибудь* – в «давай зимой», «давай после Нового года», «давай в конце января».

В первых числах декабря Полудницин купил билеты – к ней и обратно. В середине декабря Яна вышла замуж. Но они всё-таки увиделись, в её городе, на съёмной квартире.

«Встретить тебя на вокзале?» – спросила Яна.

«Да», – сказал Антон.

В поезде Полудницин напился. С соседкой, которая на вопрос «А тебя?» ответила: «Конечно, Оля». Она была старше Антона на восемь лет. Весьма неплохо выглядела – миниатюрная и женственная, но при этом не хрупкая и уж никак не беззащитная. Попутчица Полудничина была по ту сторону «not a girl, not yet a woman» – уже вполне woman, но при этом с каким-то girl-блеском в глазах и girl-лёгкостью в общении. И кожа – белая-белая (такие на пляже сгорают в одно мгновение) – привет из тех времён, когда загар считался уделом простолюдинов. Антон подумал, что у неё, пожалуй, вечно холодные пальцы, а ближе к полуночи, взяв её за руку, понял, что не ошибся.

«А ты ведь к девушке едешь», – сказала конечно-Оля, когда они выпили полбутылки. До этого личные темы как-то не всплывали, разговор объезжал их, как опытный лыжник флажки, и даже рассказывая что-нибудь о себе, и Антон, и конечно-Оля говорили вроде как в целом, вроде как о ситуации, а не про людей: «Когда мужчина смотрит женщине в глаза...», «Если у женщины постоянно болит голова...»

Полудницин кивнул, взял бутылку и налил ещё по пятьдесят.

«А она замужем?» – спросила конечно-Оля. Ну конечно же, «увлекаюсь психологией».

За мужем, перед мужем, рядом, возле.

«Да», – ответил Антон.

И тут его попутчица засмеялась.

«Ну что ты можешь предложить замужней?» – спросила она. С той же издёвкой и непониманием, как некогда офицер в отделении, вычитывавший пэпээсников за Антона: «А этот-то что сделал? Его-то зачем привели?» Для общества угрозы не представляет, замужней женщине ничего предложить не может. А ещё конечно-Оля как-то слишком выделила «ты» – вроде как есть те, кто может что-то предложить, а есть *ты*.

Наутро голова у Полудничина была на удивление свежей, да и в целом он чувствовал себя бодрым и выспавшимся, несмотря на то, что бутылка была выпита полностью, а поспать получилось всего три часа.

Яна встретила его, как и обещала. Стояла чуть поодаль от встречающих, но смотрела, выискивала взглядом того самого – своего, – как и другие. Прямые светлые волосы по плечи, куртка с мохнатым воротничком, джинсы, сапоги. Антон сказал «Привет» и поцеловал её.

Весь тот день получился «обещанным», и вечер, и ночь («Не буду обещать, что останусь» – и не осталась), и утро следующего дня, когда она снова пришла к нему. Будто по сценарию, будто следуя должностным инструкциям, которым важны не имена, а функции – *к чёрту импровизации, ура стандартизации*, будто не сядь Антон на тот поезд, не приди Яна его встречать – обязательно нашлись бы другие Яна и Антон (не важно, как бы их звали), и случилось бы тоже самое: она хотела что-то сказать, но он не хотел это слышать, а потом он сказал, но она это не услышала, а потом оба молчали, молчали, молчали, а потом она ушла, попросив «отпусти», а уже в дверях сказала «люблю».

Утром – часов в одиннадцать – они зашли в кафе и заказали чайничек ройбуша. В меню было написано «400 мл», но чай всё не заканчивался и не заканчивался, всё наполнял и наполнял чашечки. Как и время, которого вроде бы осталось совсем немного, но вот ещё чуть-чуть, и ещё, и ещё. Поезд у Антона был в три. «Я не поеду провожать тебя на вокзал», – сказала Яна.

Они молча, стараясь не смотреть друг на друга, допили чай.

«По радио сегодня слышала, – заговорила Яна уже на улице, по пути к автобусной остановке, – что в давние времена красавицы умывали лицо исключительно талым мартовским снегом. Что кожа от этого становилась гладкой и надолго сохраняла молодость, – Яна остановилась и посмотрела на Антона. – Интересно, где они хранили этот снег летом?»

«Они умывались только в марте», – усмехнулся Полудницин.

Вариант II

На первом курсе пединститута Саша Ваесолис – тогда ещё не Саныч и не Сан Саныч, и лишь в особых случаях Александр Александрович – самым страшным из грехов считал уныние. Всё просто закипало в нём, когда он видел тоскливую физиономию, хотелось подойти и зарядить по ней кулаком – чтоб нытик разозлился или испугался, пусть гнев и трусость тоже были грехами, но, по мнению Саши, не такими страшными. Иногда он не сдерживался – подходил и в самом деле бил по унылой морде. Бывало, получал в ответ – однажды даже в больницу угодил; бывало, извинялся и, погрозив пальцем, строго говорил: «Не грусти больше».

Вот и сейчас, глядя на печальную, словно просящую за что-то прощение девочку (не у него лично – у всего мира), Саныч еле справился с искушением отпустить ей подзатыльник. Вместо этого учитель, успокоив себя едва слышимым «Непедагогично», продолжил урок. – У прямой нет точного определения, – сказал Саныч. Класс засмеялся.

«Что у вас с Янкой?» – спросил как-то Полевой. «Отдельная история», – ответил Антон. Хотя ничего «отдельного» в этой истории не было. Шаблон шаблоном.

«К чему такие воспоминания? – подумал Полудницин. – И вообще, можно ли их считать своими?» Как в школе: «Что ты за ним всё повторяешь? Своей головы нету?» Или: «Эх, молодец! Всё списал у соседа, даже ошибки!» Было с кем-то – не твоё; было прежде – не твоё. Антон вспомнил разговор, чей-то, услышанный то ли в троллейбусе, то ли на остановке, как говорят, «краем уха», но почему-то запомнившийся: «Он живёт моей жизнью. Вот я хотел поступить в аспирантуру, а он поступил. Я хотел преподавать – он преподаёт. И женился на моей Таньке...»

Скажешь гадалке: «Всё началось, как в „Пятом персонаже“»; спросишь: «Что будет дальше?» – а она: «„Мантಿಕора“ и „Мир чудес“».

Работая в МТС, отец зарабатывал 500 р. Я это услышал как-то от мамы. Не знаю, большие это были деньги или небольшие. В 1938 г. отца на районной партийной конференции избрали II-м секретарём райкома. Стал он получать

1200 р. Это, видимо, были приличные деньги. Наша жизнь изменилась. И секретарь райкома руководил сельским хозяйством, отец чаще стал выезжать в район. Здание, в котором теперь работал папа, находилось на главной улице г. Мелекесса, было серым, в виде буквы «П» и занимало целый квартал. Напротив стоял большой памятник В. И. Ленину. Здание райкома было двухэтажным.

Мы переехали в другой район города Мелекесса на ул. Горную. Улицу вскоре переименовали, наверное, в связи с какой-то юбилейной датой великого поэта и стала она носить его имя. Ул. им. Пушкина, такой она и осталась до сих пор.

Нашей семье должны были дать престижную квартиру, а пока мы переселились в частный дом напротив, к деду, где прожили несколько месяцев в ожидании, когда освободится квартира в «Белом доме». Комната у деда была просторной, но сырой и холодной. Учился я тогда в 3-м классе, занятия были во 2-ю смену, и возвращаться домой приходилось ночью.

Ранней весной наконец-то квартира, обещанная отцу, освободилась. Дом находился рядом, на той же улице Пушкина, по соседству с домиком деда. Квартира, куда мы переехали, была на втором этаже и состояла из 3-х огромных комнат с высокими (до 4-х метров) потолками, громадными окнами. В квартире было проведено электрическое освещение, радио.

Подошла официантка, остановилась. Почему-то другая, не та, что принимала заказ. Антон сдвинул тетрадки – освободил край стола, чтобы девушка могла поставить поднос.

– Ваш кофе, – сказала она. Белая керамическая чашка, на блюде – ложечка и два кубика сахара. – Ваш штрудель – Рулет с яблочной начинкой, рядышком – шарик пломбира.

– Спасибо, – кивнул Полудницин. Зачерпнул ложечкой мороженое, бросил в кофе. Глясе, или что-то вроде.

Когда-то Антон дал почитать «Над пропастью во ржи» девчонке с подготовительных курсов. Она вернула книгу на следующий день. «Так быстро?» – удивился Антон. «Я не буду это читать, – сказала девушка, протягивая книгу Полудницину. – Что я могу узнать из этого романа? Чему полезному научусь?» Он пожал плечами, взял книгу и...

Чему вообще могут научить книги, рассказы, истории? Новые воспоминания; привет, компания «Rekall»? Воспоминания – пережитое, пережитое – опыт? А опыт – шпаргалка на каком-нибудь будущем зачёте? Или та история, что с большой буквы, та, что до тебя. Может ли она чему-то научить? Должна ли? Скорее уж – как кредит, выданный при рождении: ты должен ей, не она. По Сартру: «Его выбор: ничего не зарабатывать и ничего не заслуживать, но чтобы ему всё было дано от рождения, – а он не из благородных. Его выбор, наконец: Добро уже всё – здесь...»

Прошлое – миф, золотой век, «эх, были», «ах, были», «да, были». Свершённое и совершенное – ни убрать, ни добавить (попробуй извлечь корень из минус одного – получишь «error»). Прошлое задаёт направление: прапрадед говорил «один», прадед «два», дед «три», отец «четыре» – что остаётся тебе? – сказать «пять».

Прошлое – последний аргумент настоящего, последнее прибежище идеалиста. Чем не «Берешит»: и радуга – не половинка, а целиком (мост, подкова), как в книжках – в тот день, когда они познакомились; и неслучайные случайности – оба ждали «своих», оба не дождались; и саксофонист, их преследовавший – и у кинотеатра, и у кафе, и на площади, – «Смотри, он же – точно он!» – всякий раз «Lily was here», обязательный номер из «Golden Sax» и «Sax

for Sex»; и потом, когда стемнело – остановились, обернулись. Вместе сказали «раз», «два», «три», а значит, должны, нет, просто обязаны сказать «четыре» и «пять». Должны той школьнице, тому первокурснику. И не только – ведь в фильмах всё начиналось точно так же, ведь Маша с Сашей, Гена с Дашей – они ведь тоже ссорились, расставались, а потом...

Однажды осенью я, будучи в школе, во время перемены смотрел в окно и вдруг увидел, как по дороге едут 2-е людей, мужчина и женщина, и о чём-то оживлённо разговаривают. Женщина молодая, расфуфыренная, а в мужчине я узнал своего отца. Он был в светло-коричневом пальто и фуражке. Пальто было новое, недавно сшитое. Сердце моё часто забилося, и я почуял что-то недоброе. Пришли на память слова соседки: «Смотри, просвистишь отца». Отец обнимал эту женщину, она смеялась. Они ехали, прижавшись друг к другу, и чуть ли не целовались. Отец наклонился к лицу женщины и что-то ей говорил... Придя из школы, я всё рассказал маме. У неё на глаза навернулись слёзы, лицо помрачнело, и она ещё долго расспрашивала меня как да что... На следующее утро, уходя в школу, я увидел маму всю в слезах. С распущенными волосами, она сидела на кровати в ночной рубашке, а отец стоял рядом и громким крикливым голосом говорил: «Я-то вывернусь, а вывернись-ка ты!»

В марте 1940 г. родился меньший, 3-й брат Слава. Ему не было ещё и года, отец несколько дней не ночевал дома, а однажды вечером пришёл за своими вещами. Я вцепился в его рукав, а другой рукой за ручку двери. Кричал: «Папа, не уходи, не бросай нас», – но он грубо оттолкнул меня. Слава испугался и залез под кровать, он ещё не ходил, а только ползал.

Это было за полгода до Великой Отечественной войны.

Ещё летом 1940 г. отец вёл себя необычно. Он был задумчив, от него пахло одеколоном и табаком. Однажды, когда я был дома, он долго ходил из угла в угол, тихо напевая песенку из кинофильма «Истребители», потом подошёл ко мне. Я лежал в постели и читал книгу. Отец спросил у меня: «Если я уйду от матери, с кем вы пойдёте – со мной, или с матерью останетесь?»

Развод был оформлен без шума, делить имущество тоже не пришлось, т. к. никаких ценных вещей у нас не было. Книги – несколько десятков томов – отец перевёз заранее к дяде. Однако на улице Карла Маркса вскоре случился пожар. Сгорело 15 домов. Сгорел и дом дяди, сгорели и книги. Отцу дали жильё в новых домах лесхоза. Зимой 1940 г. он пригласил меня в свою квартиру. Дом находился на окраине Мелекесса. В квартире пахло свежими сосновыми досками.

У них был патефон. Мне разрешали заводить и слушать его, когда я бывал в гостях. Среди пластинок помню: «Синий платочек», «Так будьте здоровы, живите богато», «В каждой строчке только точки», «Девушки плачут, девушкам сегодня грустно»...

Отец подарил молодой жене тёмно-синее шёлковое платье, которое хорошо сидело на Вале и нравилось ей. Она надевала это платье во всех торжественных случаях.

Перед самой весной 41 г. отца послали в г. Москву на курсы усовершенствования политработников, и ходить стало не к кому. Валя в это время ждала ребёнка.

В день похорон дедова квартира показалась Антону какой-то чужой, незнакомой – входная дверь нараспашку, чёрная ткань на зеркале, прислонённый к шкафу деревянный крест. «Проходи, не разувайся» («не разбувайся» – если дословно). И люди, суета. Охающие-ахающие женщины, что-то ищущие, собирающие, куда-то звонящие. И мужики – тоже чем-то занятые, ходящие из комнаты в комнату. Большинство «скорбящих» Антон видел впервые. Он даже удивился, откуда столько народу? Тем более – незнакомо.

Гроб стоял в большой комнате. Дед был в сером костюме, белой рубашке, при галстук, на ногах – *die with your boots on* – тонюсенькие, хлипкие, явно не для носки тапочки.

«Тихо жил и тихо умер», – шёпотом сказал кто-то.

...а на сорок дней выпал первый снег. В городе дороги и тротуары очень быстро разъездили-растоптали – противная мокрая каша, – но на кладбище снег остался нетронутым. Он лежал повсюду – на дорожках (линия первая, линия вторая...), на крестах и памятниках, на ветках и заборчиках. Людей вокруг не было, да и сами Полудничины пришли «узким семейным кругом»: Антон, родители, какой-то дальний родственник с женой (Антон так и не запомнил, как правильно их величать – тётя-дядя?) и двое с дедовой работы, давно уж пенсионеры.

Выпили водки. Молча, не чокаясь.

«Жди нас, – сказал один из коллег, – но не сильно».

Настроение почему-то было светлым, даже радостным. Светлым (но не *слепить*), радостным (но не *смеяться*). Дедова душа ушла – куда-то дальше или подыскала новое тело, новое рождение, сияя, светя пришедшим к могиле. Душа, сбегавшая от разума, что держал её в клетке доказательств и желаний, – душа, другое имя которой счастье.

Вот так дед Антона, неверующий и некрещённый, не уступивший богу даже угла во вселенной (*фиг с ней, с пропиской*), помог увидеть богу улыбку.

По белому снегу скользили синие тени ворон. Пальцы мёрзли (даже если спрятать руки в карманы), то же – нос и уши. Но всё же было тепло – как-то иначе, по-другому.

«По-настоящему», – подумал Антон.

Едва перевалило за двенадцать – часы над входом показывали то ли три, то ли четыре минуты, – в кафе вошла Аня.

Глава 6

При нынешнем соотношении доллара и гривны – неплохо, совсем неплохо.

Игорь Ефимов, «Обвиняемый»

Со зрением у Колодезного было не очень, но очки он не носил (никогда, даже дома), считая, что «очкарик» – это приговор, что на людей в очках смотрят, как на «ботаников», зануд и неудачников, а Колодезный не хотел казаться ни одним, ни другим, ни третьим. Подумывал про контактные линзы, но наслушавшись, причём от людей с нормальным зрением, – что линзы и стоят чёрт знает сколько, и если врач чего-то не то подберёт, можно поцарапать роговицу, да и отёк какой-нибудь может случиться, – отказался от этой идеи. Не совсем же слепой? Конечно, близорукость доставляла неудобства: надо было садиться к телику поближе, придвигать к себе монитор, чуть ли не тыкаться носом в книги-газеты. А чтобы прочитать какую-нибудь надпись или что-нибудь рассмотреть, приходилось щуриться. Знакомые подкалывали Колодезного: «Русский с китайцем – братья навек».

Сейчас присматриваться было не нужно: неразмытое, поблизости, в фокусе. Они сидели как заговорщики – поставив локти на стол, склонившись над каким-то несуществующим планом – «узкий круг посвящённых», им бы ещё шептаться и поочерёдно коситься по сторонам.

Межник убрал весь «спам» (переложил рекламу и журнал «Кофеёк» на соседний столик), сдвинул в один ряд – на «нерабочий» край, тот, что к окну – салфетницу, стаканчик с зубочистками, соль, перец, сахар.

– Приговорённые к расстрелу, – пошутил Полевой и выстрелил пальцем в солонку.

– Герои мексиканской революции, – кивнул Межник.

На столе стояли две чашечки кофе, только что принесённые, и калбаса с совсем уж остывшей бомбильей. Мате, похоже, осталось всего ничего – когда Полевой потягивал чай, травяная заварка булькала и чавкала. От кофе поднимался пар, в лучах весеннего солнца – рекламная картинка: неповторимый вкус, отборные зёрна.

А ведь я давно их знаю, подумал Колодезный, считай всю жизнь. Не именно этих двоих, а других таких же, других тех же самых – полевых и межников. Ведь они появлялись и появлялись, появлялись и исчезали, и в школе, и потом, в институте и на работе – одноклассники и одноклассники, коллеги и соседи – товарищи, приятели, друзья, или же случайные попутчики. Вроде Холмса и Ватсона: когда Роу и Кокс, когда Бретт и Бурк, когда Ливанов с Соломиным.

«Осторожно!» – сказал «Межник» Колодезному пару лет назад на выходе из кафе. В тот вечер Колодезный был совсем скисшим и подавленным. Всё как всегда: «Оксана, Оксана! Прощай, кохана!» После разговора по телефону с Ксюшкой, кончившегося её резким «Прощай», Колодезный побродил туда-сюда по квартире (бессмысленно – из комнаты на кухню, обратно) и набрал «Межника». Они встретились в центре, немного прошли и засели «У людоеда». Винно-водочные посиделки: один – «грустно без неё»; другой – «нашёл, блин, повод убиваться». «Да?» – отозвался Колодезный на *осторожно*. «Рогами за дверь не зацепись!» – заржал «Межник».

Или ещё раньше, уже с другим «Межником», тоже после «Куди поділась?» и «Не кидай мене в жовтні і навесні» – они проходили мимо пьяного мужика, плакавшего – на самом деле, взрослый, крепкий мужик стоял на остановке и рыдал: «Сука! Да как ты могла? Ведь я тебе, а ты! Проститутка». «Межник», смеясь, подтолкнул локтем Колодезного: «Становись, поной рядышком».

И всякий раз после таких разговоров, прощаясь, межники говорили хором: «Потраhal и хватит, другим оставь», или «Не бери дурного в голову, а тяжёлого в руки», или просто «Не парься». И действительно, на следующий день проблема исчезала, даже – не исчезала, а становилась настолько незначительной – потерял десять копеек, проспал фильм, забыл купить чай, – что и переживать по её поводу (проблемы или ксюши) было как-то несерьёзно. Наступала невыносимая лёгкость бытия. Впрочем, ненадолго, не зря же в своё время Колодезного прозвали ВВ – Влюбчивая Ворона.

Что было общего у всех этих межников? Уверенность в себе? Пофигизм? Чувство юмора? Да. Да. И ещё раз да. Любой негаразд уменьшался рядом с межником (все они, к слову, были высокими), ну а что значат слова «грустить», «одиночество», «скука», «тоска», он и не знал – не по неграмотности, а за ненадобностью, ведь живут же люди, не зная большинства *уст.* слов (на то они и устаревшие), даже не задумываясь, чем, например, шестокрыл отличается от шестопёра.

Так, по крайней мере, казалось со стороны.

А полевые? «На тебя все девки пялятся, а ты этим совсем не пользуешься!» – сказал однажды Колодезный «Полевому». Они пили джин или виски, что-то непривычное, в «Фарманте». Было за полночь, благо бар работал круглосуточно, и можно сидеть сколько влезет. Парочки порасходились, улыбаясь друг другу, обнимаясь, целуясь, остались девочки-подружки и парни-кореша – женские компании, мужские компании – и ни одной смешанной. И девчонки, будто сговорившись, поглядывали на «Полевого» – улыбались, что-то шептали друг другу. Даже официантка, принося очередные порции, улыбалась дольше и вроде как искренней, чем парням за другими столиками. «У них нет шансов, – сказал Колодезный, покосившись по сторонам, – все тёлки – наши». Но «Полевой» в тот день был как назло совсем не в настроении с кем-то знакомиться.

Хотя это только в тот раз и тот «Полевой». А были и другие вечера, ночи, дни. Другие ситуации и другие настроения.

...два дружка из драмкружка...

Сказка Гайдюка «Про одинаковых людей»: «Гена смотрит на одного Костю, слушает другого Костю и чувствует, что его разрывает на две головы, в одну голову это никак не вмещается». Наверное, расплодись полевые-межники как агенты-смиты в «Reloaded», у Колодезного тоже поехала бы крыша, но встречать одновременно двух полевых или двух межников ему не доводилось. Новый «межник» или «полевой» появлялся, лишь когда его предшественник куда-нибудь переезжал или терялся – оставался жить там, где и жил, но уже не друг и не приятель.

Значит, подумал Колодезный, я нуждаюсь в них.

Ничего удивительного, легко понять, какие именно плюсы полевых и межников притягивали минусы Колодезного. Плюсы и одного, и другого – это умение разруливать проблемы. У каждого – вроде как своя специализация. Можно сказать, «Полевой» был докой по проблемам с женщинами, а «Межник» – по проблемам с мужчинами. Ведь *тёлка кинула* – всё же проблема мужчины с самим собой, а *отсутствие тёлки*, как ни крути, – проблема с тёлками.

Полевые не были *сеньорами благородными Жуанами* – без хвастливых историй (если и вспоминали про своих бывших-нынешних, то вскользь, в контексте, говоря о чём-то другом), да и ко всяким поискам-знакомствам относились предвзято: «Давай лучше просто выпьем пива»... Но, как дальше в песне про Жуана: «Ему не убежать, катится любовь», – девушки находились сами, сами начинали игру и от полевых требовалось скорее не заигрывание, а подыгрывание, как бы между прочим.

Межники разрешали проблемы по-мужски: никаких тебе «не плачь, всё наладится», как в девчачьих разговорах про козлов, но и никаких «ты хоть понимаешь, кто здесь ты и кто здесь я?», привычных, если верить подругам, в женских коллективах. А ещё, самое главное, межники не терялись перед гоп-компаниями и прочими мудаками. Колодезный обычно застывал, как кролик, встретивший удава, сдавался сразу же, и лишь изредка пытался как-то ответить, что-то сделать – возразить, ударить, убежать. Межники же мгновенно оценивали ситуацию и...

Нельзя сказать, что Колодезный был полным лузером, но все свои удачи – что *дал в морду*, что *дала* – он считал везением, стечением обстоятельств – неким мистическим актом, мол, звёзды правильно на небе выстроились, – Колодезный был уверен, что одна удача, вторая, третья никак не означают четвёртую и пятую. Он всё так же менжевался перед понравившейся девушкой, и всё так же нервно оборачивался, возвращаясь поздним вечером домой. А потому нуждался в межниках и полевых, будто бы знавших какой-то секрет – правильные воззрение и намерение, речь и поведение, благодаря которым проблема, неважно – с мужиками или бабами, переставала быть проблемой.

– *А теперь*, – сказал Саныч, – *самое главное.*

Мы сидели на кафельном полу в просторной ванной, рядом с двумя ящичками с инструментом (потребовался, правда, лишь разводной ключ – потёртый, бывальый), в обуви – как и положено настоящим сантехникам.

– *Надо выждать минут двадцать-тридцать.*

– *Проверить, что не течёт?* – предположил я.

– *Не-а*, – покачал головой Саныч.

Он зашёл ко мне час назад, спросил: «Не хочешь немного заработать?» И тут же сказал: «Давай надевай чего-нибудь рабочее, и помчали, тут неподалёку. За пару часов справимся». Ответа Саныч дожидаться не стал – знал, что и как у меня с деньгами, – спустился на пол-этажа, приоткрыл подъездное окошко и закурил.

– *«Да, – сказал я самому себе. – Сейчас».*

Каждый вечер у Саныча находились «варианты», это уже после его основной работы – так сказать, допзаработок, шабашки. Всякие разные – от малоденежных – разгрузить фуру – до более прибыльных и менее тяжёлых, физически уж точно, перепродаж видеокарточек и телефонов. Сегодняшний «вариант» находился в высотке на кругу 18-го.

– *«Краны протекают, – сказал Саныч. – Считай, конец света».*

Мы выслушали хозяина, с серьёзными лицами прошли в ванную, разложили инструмент. Саныч порой переигрывал, как актёр-рабочий из плохого фильма – я еле сдерживался, чтобы не засмеяться. Краны были починены минут за десять.

– *Если мы прямо сейчас скажем хозяину, мол, всё в порядке, всё фурычит, – Саныч покрутил в руках ключ, – плакали наши денежки. Хрен он заплатит нормально за десять минут работы. Так что, – он протянул ключ мне, – сидим полчасика, набиваем себе цену.*

– *А если...* – не успел спросить я.

– *Что б не было «если», – ответил Саныч, – садись у вентиля и будешь крутить его, когда я скажу.*

Хозяин действительно заглядывал пару раз, спрашивал:

– *Ну что?*

– *Да вроде получается, – отвечал Саныч и тут же командовал: – Так, студент, крути вентиль – только по чуть-чуть, не торопись.*

Мы честно выждали полчаса, хозяин без вопросов заплатил столько, сколько попросил Саныч:

– *Спасибо вам, я уж задолбался с этими кранами.*

– *Случай запущенный, – сказал Саныч, – но не смертельный.*

В лифте он вручил мне мою долю.

– Спасибо, – кивнул я.

– И тебе, – ответил он.

И вдруг я почему-то подумал, что не знаю о Саньиче, пожалуй, самого главного – а ведь знакомы мы не день и не два.

– Слушай, а кем ты работаешь? – спросил я, когда мы вышли на улицу. – В смысле, есть же у тебя работа, чтоб с трудовой там, официальная, так сказать, дневная.

– Учитель математики, – ответил Саньич. – В школе.

Я остановился и посмотрел на него.

– Да ну.

– Было совсем кисло с работой, – сказал Полевой. – Я пообзванивал друзей, знакомых – у всех без вариантов. Что подделаешь – накупил каких-то газет типа «Вакансии». Засел с утра, смотрю объявления: водители, реализаторы, охранники, – он провёл пальцем по столу, будто там был напечатан список, – а потом – раз – читаю: «требуется менеджеры по продажам», – палец остановился. – Ну, думаю, отлично, звоню по номеру. И мне так сразу, – Полевой растянул улыбку, – осталось одно место, за час успеете подъехать?

Как всегда: «история в лицах и красках». Жесты, интонации.

– Ого, думаю, ажиотаж! – продолжил Полевой. – Я бегом в душ, моюсь-бреюсь, надеваю белую рубашку, галстук, костюм, – каждое действие – движением рук: бреюсь – провёл пальцами по щекам; надеваю рубашку – застегнул невидимые пуговицы... Игра «крокодил». Или «корова». – Выскакиваю из дома, хватаю такси.

А на сегодняшнее собеседование, подумал Колодезный, пришёл без галстука. Впрочем, может, у него и не было собеседования. Или было, но не сегодня. Колодезный представил Полевого, этого Полевого, в офисе на Баума – как он вошёл – ведь наверняка же что-то сказал, вроде как на публику, пусть никого рядом и не было – и про тяжёлую дверь, и про стрелку-указатель, и про дурацкую вывеску «ООО А.А.А.», и потом – скорей всего шёпотом, или же просто подумал – про саму обстановку в кабинете: жёлтый ковер, большую нелепую люстру, окна с поломанными жалюзи, дубовый стол, три стула в ряд... Интересно, на какой из них он присел? Не стоял же, словно та школьница с картины «Приём в комсомол»?

– Смотрю на часы – без пяти, – сказал Полевой, – отлично, думаю, не опоздал. Перед дверью выдохнул, поправил галстук и захожу. Меня встречает пузатый мужик в поношенных спортивных штанах, – Полевой провёл руками по джинсам, – весь такой помятый, на вид – охранник. Говорю ему: так и так, я насчёт работы менеджером, с кем можно из начальства поговорить? А он мне, усмехнувшись: так я и есть начальник. И тут же, не успев я сообразить что к чему, вручает пачку визиток «Пластиковые окна» и говорит: стой у входа, менеджер, и раздавай – будем с тобой окнами торговать.

– И что? – засмеялся Межник. – Долго проработал?

– Да уж, один-три, – сказал Полевой. – Спросил: вы что издеваетесь? Мужик и не понял, в чём дело. Ещё такой нахмурился, обиделся.

Колодезный не засмеялся, даже не улыбнулся. Он был вроде как не с ними, и реагировать на шутку – всё равно что рассмеяться анекдоту, рассказанному кому-то за соседним столиком. Сажу тут и подслушиваю. «Ты что, на ушном?» – фыркала старшая сестра.

Колодезный вдруг подумал, что почти всегда межник и полевой были знакомы. Они часто шлялись втроём – сачковали пары в институте (обычно межник придумывал что-нибудь, «на хрен вам это право, весна на улице!»), или куда-нибудь шли после школы – в док, в гаражи, заброшенный дом или подвал – кстати, тоже, почти всегда это были идеи межника. «Там иногда, бывает, бичи собираются, не страшно?»

– У меня тоже была история с работой, – сказал Межник. – Пару месяцев торчал без бабла, не мог никуда пристроиться. А тут вдруг с соседом слово за слово, и он говорит, что их фирме нужны охранники. Только не в офисе, а где-то за городом. Платить обещали хорошо, а по тем временам так вообще замечательно. И фирма звалась «нефте-что-то». Сразу впечатлило. График – типа неделю работаешь, неделю отдыхаешь. Я согласился – на безденежье, как говорится. Следующим вечером сосед сказал, что поговорил с директором, типа всё в порядке и меня ждут на объекте через день или два, в общем – вот-вот.

Ехать надо было в область. Ну, добираюсь на автобусе, нахожу их управление. Объясняю на проходной что к чему. Они там куда-то звонят, кого-то зовут, и через минуту меня выходит встречать... – Межник на секунду замолчал и подмигнул Полевому, – нет, не пузатый мужик, а наоборот, такой высокий подтянутый дядька в униформе. Зашибись, думаю, будет по утрам и физподготовка. Он проводил меня на кухню – оказывается, еда тоже за счёт фирмы – и говорит типа: давай кушай, умывайся, переодевайся – показал, где шкафчики – и часиков в пять поедом охранять.

Слушая историю Межника, Полевой едва заметно кивал. Не потому, что соглашался с чем-то или хотел показать, что охотно всему верит, а словно в такт рассказу, будто бы Межник читал рэп, даже не вживую, а это была запись, которую Полевой крутил в машине – открытый верх, солнце, пляж, пальмы – *bienvenido a Miami*.

– Пока суть да дело, пять часов. И тут начал подтягиваться странный народ. С пропи-тыми мордами, в грязной одежде, чуть ли не бомжи. Чего-то суетятся, а потом раз, – Межник постучал пальцами по ребру стола, – и выстроились. Равняйсь, смирно – все дела. Вышел тот дядька в форме, что-то сказал всем, и такой: давайте в машины. И мне – садись в ту зелёную.

Сажусь, там уже трое этих и водитель. Причём водитель чистый, в форме. Ну, поехали. Вывернули к полю и мчим. Тут какой-то большущий вентиль возле дороги. Водитель сбавил скорость, один из этих – хоп, – Межник махнул рукой куда-то за окно, – и выпрыгнул. Едем дальше – какая-то будка. Хоп – другой пошёл. Ещё минуты через пять – хоп – третий.

– А тебя завозят в самую глушь? – усмехнулся Полевой.

– Глушь – не глушь, но представь – поле, считай, от горизонта до горизонта, лишь совсем далеко, еле видно – какие-то домики, наверное, деревня...

При слове «горизонт» Колодезный вздрогнул. Будто коснулся чего-то горячего.

– И посреди всего этого великолепия – экскаватор. Жёлтый, новенький, импортный какой-то. По-моему, «Катерпиллер». Водитель говорит: охраняешь экскаватор, завтра в пять я подъеду, заберу тебя. Если что, типа – звони на базу. И уехал.

Межник хлебнул кофе.

– Я сразу вспомнил один рассказ. Старая фантастика, читал в журнале. Там космонавт рухнул на какую-то планетку и торчал возле разбитой ракеты – ждал, когда за ним прилетят спасатели. Ему ещё спать нельзя было.

– Брэдбери, – сказал Полевой.

– Наверное, – пожал плечами Межник. – Так вот... Когда я разговаривал с соседом, то подумал, что буду торчать где-то в помещении. Что ж – другой работы всё равно нету. Я обошёл экскаватор, посмотрел по сторонам. А была ранняя осень, сентябрь, начало октября. Поле такое пожелтевшее, даже с каким-то серым оттенком. Чуть дальше – снопы, не модные нынче рулеты, как у импортных фермеров, а нашенские горки-развалюхи. Пряма картина: столбы с проводами, красно-белая мачта-ретранслятор... Тут внутри у меня что-то дёрнуло. Не дай бог, думаю. Достаяю мобильник... Фух! – Межник провёл тыльной стороной ладони по лбу, вроде вытер пот. – Связь есть, заряд полный... А я как раз книжек накачал в телефон. Заняться нечем, сел возле экскаватора, начал читать. Прочёл совсем чуток, смотрю – уже почти стемнело...

– Смеркалось, – сказал Полевой.

– Именно, – согласился Межник. – Так ещё и небо тучами затянуло. Только, блин, дождя мне и не хватало...

Колодезный вдруг подумал, что и полевые с межниками знакомились друг с другом не просто так, а, как и он, искали что-то один в другом, что-то, что дополняет, чего не хватает в себе.

Что искали полевые в межниках? Колодезный вспомнил, как однажды к нему с полевым – им было лет по шестнадцать – подошли двое: постарше, повыше, пошире в плечах. Дело было в центре города, днём. «Здрав, пацаны! – сказал один из подошедших. – Разговор есть, отойдём в сторонку». «Полевой» и Колодезный, ничего не сказав, пошли с ними, а ведь оба знали, что значат такие «разговоры», тем более Колодезный был как бы при деньгах – только что продал свой старый фотик знакомому – не заоблачная сумма, но ей бы легко нашлось другое применение. Они обошли магазин «Пионер» – дом, в котором был магазин – и уселись на лавочках во дворе.

«Мы могли бы просто настучать вам по печени, – продолжил тот, что предложил отойти, второй молча сидел рядом, – и пробить бабло по карманам, но мы не беспредельщики. Мы занимаемся ломкой денег. Знаете, что это?» Он глянул на одного, на другого. Колодезный и «Полевой» синхронно покачали головами. «Смотрите, – не-беспредельщик достал из кармана деньги – тысячные бумажки, бордовые купоны, штук семь, – берём и считаем. Одна, две, три, четыре, – указательный палец резво перебирал купюры, – пять, шесть, семь... Сколько здесь?» – «Семь», – тихо ответил Колодезный. «Пересчитай», – улыбнулся ломщик и протянул ему деньги. Колодезный взял их – осторожно, медленно – и пересчитал. Получилось шесть. Он пересчитал ещё раз. Всё равно. «Шесть, шесть, – кивнул парень. – А седьмая – вот, – он раскрыл кулак – мятая бумажка, тысяча карбованцев. – Но чтоб нормально подняться, надо побольше таких фантиков...»

Колодезный и «Полевой» отдали всё, что у них было – фотоаппаратные пятнадцать тысяч, и карманные: по пятьсот купонов каждый.

«Знаете пяточок возле Довженко?» – «Да». – «Подойдёте туда через два часа, найдёте меня. Я буду или у памятника, или возле киосков... Только договоримся сразу – если вас не будет, то всё, никаких потом претензий... Сколько я вам должен? Шестнадцать? Округлим до двадцати, для ровного счёта».

Само собой, никто их не ждал на пяточке, ни через два часа, ни через два с половиной, ни через три. «А чего ты хотел?» – спросил «Полевой».

Будь тогда со мной межник, подумал Колодезный, мы бы остались при своих деньгах. Выходит, в межниках и он, и полевые искали одно и то же.

А межники? Что они искали в полевых?

Колодезный вдруг подумал, что когда они общались втроём, получался даже не треугольник, а вертикаль: межник – начальник, полевой – его зам, а колодезный – подчинённый.

Он вспомнил, как полевой остановился перед вывеской «Вход со своим спиртным запрещён!», а межник сказал: «Не ссы ты, что они нам сделают?» Или памятник, тогда ещё «бобик» подъехал, а чуть раньше полевой дал денег цыганке, и межник спросил: «Ты что – дурак, что ли?» Или кинотеатр на Пушкинской, закрытый уже чёрт знает сколько, тот вечер, когда... Стоп, подумал Колодезный, хватит. Тогда, той весной, ему исполнилось пятнадцать, той весной и летом у него были очередные друзья межники-полевые, а осенью... Колодезный вплотную подошёл к черте, за которой чёрная дыра в календаре и памяти.

Некоторые воспоминания время ни стирает, кто бы там что ни говорил, даже наоборот – усиливает, надумывает, раздувает как ветер костёр.

Колодезному пришлось вытащить себя из прошлого – так Мюнхгаузен вытягивал себя из болота, так иногда вытягиваешь себя из сна – когда снится какая-то муть, и вдруг понимаешь, что это происходит не на самом деле и надо проснуться.

Звонок будильника, холодный душ, кофе. The Sleeper Awakes. Колодезный вернулся в сегодняшний день, в это кафе, к Межнику и Полевому, к истории про экскаватор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.